

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. О методике И ПОИСКЕ ИСТИНЫ

Метод, как понятие, позиционируется как совокупность путей, привычек и представлений, основанных на здравом смысле, непосредственно приводящих к результатам, необходимым для достижения цели. Тот путь, что верно и неуклонно приведет к цели, считается правильно выбранным методом. Позитивным будет считаться тот, что проверен и способен привести к цели. Вставшие на путь поиска неминуемо выберут наилучший метод после длительных проверок и проб. Это напоминает взаимоотношения между мюридом и муршидом.

Попытавшись углубиться в историю, мы обнаружим, что первый в истории метод был основан на подходе ко всем явлениям и понятиям с точки зрения мифологии. В узком смысле мифология тоже является методом. Это метод установления истины. За мифологией стоит мировоззрение. Восприятие природы как одушевленной сущности, наполненной духами, каким бы детским лепетом это ни казалось в наши дни, в результате не такая уж ошибка, как кажется на первый взгляд, особенно если учесть высоты, достигнутые наукой. Мертвые, бездуховные, лишённые динамизма методики в принципе не глубже мифологических воззрений.

Связь мифологического подхода с жизнью носит конкретно экологический характер, далек от фатализма, открыт для свободы, не основанной на детерминизме. Такое понимание жизни, гармонирующее с природным, вплоть до эпохи великих религий придавало человеческому обществу яркий и очень живой колорит. Мифология, полная легенд, эпосов и священных догм, была основополагающей формой мировоззрения, особенно в эпоху неолита. Противоречия между легендами и объективной реальностью вовсе не исключают разумного толкования содержания мифов. По сей день можно очень серьезно обсуждать мифы, история, как таковая, мало что представляет собой без их содержания. Для понимания характера человеческого общества, прожившего большую часть своей истории в форме мифов и легенд, попросту неизбежен метод изучения сквозь призму мифологии. Имеются достаточные основания, чтобы утверждать, что научные методы, которые, казалось бы, полностью противоположны мифологическим методам, сами в большинстве основаны на мифах.

Теперь становится неизбежным возвращение доверия к мифологическим методам, мифологическому мировоззрению, которые были скомпрометированы, насколько это возможно, не только монотеистическими догмами, но и их продолжением — научными методами, сторонники которых считают, что руководствуются ничем иным, как строгими законами. Мифы, по сути, родственные утопиям, представляют собой форму сознания и мышления, которые человечество не может игнорировать. Согласитесь, оставить разум

человека без утопий, мифов (легенд, эпосов) — это все равно, что лишить организм воды. Совершенно ясно, что сила человеческого сознания, представляющего собой совокупность мышления всего одушевленного мира, его богатство, не могут быть сведены только к математическому аналитическому мышлению. Это бы противоречило жизни так же, как и тому, что разум миллионов одушевленных существ не имеет понятия о математике, и человеческое мышление, являющееся совокупностью этих форм мышления, не может быть поставлено в зависимость только от математики. Что касается математики, то она, будучи изобретением шумерской цивилизации, работала как метод расчета избыточного продукта. В современном обществе человеческая логика чуть ли не низведена до уровня калькулятора. Хорошо, как в таком случае мы можем охарактеризовать мышление миллионов одушевленных существ, даже движение частиц, входящих в состав атома, а также астрономические величины, не поддающиеся расчету? Ясно, что математика бессильна перед этими микро и макровселенными. Поэтому, по меньшей мере, надо быть открытыми для новых методов суждения, дабы не оказаться в плену догм.

Нельзя не отдать должное непосредственным ощущениям. Все, что происходит во имя жизни, скрыто в этих самых ощущениях. Но в то же время нельзя говорить о независимости ощущений от макро- и микромиров. Наиболее близко к истине, что мир этих ощущений представляет собой фундаментальную особенность вселенной. И потому нельзя не подчеркнуть важность мифологического подхода в осознании вселенной. Более того, в наше осознание вселенной мифология внесла не меньший вклад, чем научный метод.

Серьезным этапом стал переход от мифологического метода к догматически религиозному методу. Он напрямую связан с тем, что переворот в обществе, основанный на классовом расслоении и возникновении иерархической лестницы, охватывал и сферу мышления. Взаимоотношения между эксплуататором и эксплуатируемым нуждаются в серьезной догматической базе. Обращение догм такими табуированными ценностями, как святость, божественная воля и неприкосновенность, связано с соблюдением замаскированных и легализованных иерархических интересов, эксплуатацией и властью. В этом смысле можно утверждать, что в любой твердой власти изначально кроется насилие и эксплуатация.

Вторым по продолжительности после мифологического периода в истории человечества стал период осмысления жизни сквозь призму религиозного мировосприятия. Началом его можно считать возникновение письменности, или несколько раньше или позже. Важно понять следующее: почему возникла столь острая потребность в религиозных догмах? Совершенно очевидно, что перед нами метод. Для достижения целей жизни, поиска путей, ведущих к истине, полагалось действовать согласно слову, приписываемому божествам, вознесенным выше природы и общества. Считалось, что те, кто отклонялся от заповедей, обречены на отчуждение, становятся рабами, им грозят посмертные муки ада. Речь идет о конструировании божеств в масках. Довольно ясно ощущается, что эти божества одновременно являются повелителями и деспотами, насаждающими в обществе, гнет и эксплуатацию. Плотная завеса тайны над ними напрямую связана со стремлением обмануть сознание людей. Впрочем, это обстоятельство внятно объясняется тем, что на заре классового расслоения эксплуататоры именовали себя не иначе, как богоцарями. Узаконение собственных высказываний, представление их в качестве истины в последней инстанции стало довольно распространенным историческим фактом. По мере углубления

гнета и эксплуатации религиозно догматический метод был возведен в ранг главенствующей формы человеческого мышления. Точнее, он был превращен в некую социальную реальность. Именно таким образом человечество подвели к длительной эпохе рабства под господством деспотов, которые, натянув на себя маски божеств, буквально душили жизнь, иссушали ее благотворные источники.

Предназначение религиозного метода, ставшего привычной формой мышления, было узаконение в обществе рабского поклонения, укоренение фатализма, что стало итогом многовекового воздействия жестких традиций. В истории человечества и глобальная эксплуатация, и ужасающие войны стали возможны именно благодаря этому методу. Жизнь по предписаниям священного слова и велению божеств — таков был основополагающий принцип. Несомненно, этот метод позволял правителям довольно легко управлять обществом. Тем самым исчерпала себя диалектика взаимоотношений пастыря и паствы. Так была заморожена, казалось бы, неминуемая стадия развития общества, более того, был нанесен урон всем ценностям природы и общества. Безальтернативным волеизъявлением создавалась диалектическая взаимосвязь между достаточно уязвимым восприятием природы и общества, с одной стороны, и крайне активным, всепроникающим авторитарным мировоззрением — с другой. Не будет сильным преувеличением сказать, что именно этот метод был основополагающим в мировоззрении, характерном для ранних и средних веков.

Наиболее опасная сторона догматического метода заключается в том, что вместо мировоззрения живой, автономно эволюционирующей природы он насаждает среди людей представление об их уязвимости и о том, что они действуют по велению извне. Самым серьезным результатом его воздействия на общество является то, что упомянутым уязвимым образованиям и управлению обществом извне как неким стадом придается естественный характер. Этот метод настолько же стар, насколько требует чрезмерного субъективизма, и в эпоху средневековья достиг апогея. Объективный мир уже считался непознаваемым и чуть ли не несуществующим. Мир считался временным жизненным пристанищем, а консервативные вечные идеалы были возведены в ранг основной формы жизни. Ученым считался тот, кто лучше других затвердил догмы и клише, такой человек занимал самые высокие ступени социальной лестницы. Подобное мировоззрение антимифического характера успешно сыграло роль проводника или даже надзирателя истории, а в конечном счете — и всей жизни.

Позитивная сторона религиозного метода заключена в значении, которое он придал роли нравственности в обществе. На этой стадии и в рамках данного метода пропасть между добром и злом была разведена до максимума и были установлены конкретные положения. Главное, на что был направлен этот метод, сводилось к тому, что человеческое мышление в силу своей гибкости легко поддается формированию. Основой нравственного развития становится то, что разница между человечеством и животным миром, находящимся ступенькой ниже, заключается именно в мышлении.

Без нравственных устоев невозможны ни социализация, ни управление обществом. Нравственная составляющая метода — это восприятие незаменимых для любого общества реалий, связанных с его образованием и управлением. Развитие общества без подробного анализа позитивных и негативных сторон нравственности неминуемо будет считаться

ошибочным. Несомненно, нравственность есть понятие метафизическое, но это обстоятельство вовсе не подвергает сомнению ее значение. Не будет преувеличением утверждение о превосходстве, которое имеет метафизическая мораль современности перед первобытной моралью периода становления мифологии. Считая общество безнравственным, человек фактически ставит под угрозу существование собственного вида или пригодной для проживания окружающей среды, подобно тому, как некогда динозавры полностью вымерли, полностью исчерпав ресурсы пастбищ. Оба факта означают выход в одни двери, человек в итоге ставит под угрозу факт собственного существования. Наконец, серьезным падением нравственности можно считать в наше время то, что проблемы экологической обстановки превратились в настоящую трагедию.

Догматический метод преобладает не только в основных мировых религиях, но и в классическом древнегреческом мышлении. В нем крайне ограничено место диалектического метода и объективных представлений. В то же время средневековый религиозно-догматический метод базировался в основном на философии Аристотеля и идеализме Платона. То, что Платон был величайшим философом-идеалистом, даже предположительно его основоположником, сделало его символом пророческого подхода к жизни. Платон — первый философ, ближе всех подошедший к статусу пророка.

Представления основных мировых религий о пророках стали составляющей хорошо укорененного в обществе догматического метода. Преобладающими факторами при этом стали созидательные элементы метафизической морали. Будда, Зороастр, Конфуций и Сократ возвели вопрос морали до уровня вершины философского мышления. В частности, у Зороастра вопрос добра и зла, будучи основополагающим в философском учении, рассматривается наравне с противостоянием света и тьмы. Эти мудрецы, чье место в истории неоценимо, помогли человечеству подняться на еще одну ступень в его нравственном развитии.

Серьезную роль в достижении капитализмом уровня и статуса мировой системы сыграл так называемый научный метод. В рамках нового метода, апологетами которого были Роджер Бэкон, Фрэнсис Бэкон и Рене Декарт, с особым рвением подчеркивается водораздел между субъектом и объектом. При этом средневековый догматический метод особого внимания субъекту и объекту не уделял, они скорее находились в тени.

Западная Европа, вставшая на ноги благодаря Ренессансу, своими реформами христианства и философской просветительской революцией вступила в новую эпоху взгляда на субъект и объект. Краеугольными камнями мировоззрения являются такие фундаментальные понятия, как субъективизм человека и объективизм общества. Тем самым догматический метод, в основе которого лежит слово божье, вместе с моралью теряет свое значение. Точнее, вместо завуалированных королей и божеств в масках началась эпоха голых королей и божеств без масок. Особенности капиталистической эксплуатации в данном случае сыграли главную роль. Эксплуатация, осуществляемая во имя прибыли, испытывает повсеместную потребность в изменении восприятия, присущего обществу. Важнейшим фактором, лежащим в основе нового так называемого научного метода, является эта необходимость или потребность. Такие критерии, как совесть (мораль), существование которой никак не хочет признавать общество, могут быть восстановлены в своих правах только благодаря

серьезным переменам в мышлении. Важные обязанности выпадают на долю «метода», представляющего собой основной путь к истине. Известно, что Декарт был буквально охвачен болезнью сомнения ради великих преобразований, он сомневался буквально во всем; более того, известно, что он выразил свое кредо так: «Мыслю, следовательно, существую». Хорошо известно, с какой щепетильностью относились к объективизму Бэкон и его единомышленники. Если для Декарта важнее всего была способность личности свободно мыслить, то Бэкон и его единомышленники были уверены в том, что личность вправе по своему усмотрению воспринимать категорию «объект».

В рамках научного метода необходимо заново и предельно тщательно проанализировать понятие объективизма. Характеристика всего неодушевленного и одушевленного мира, в том числе человеческого тела — одним словом, всего, что выходит за рамки аналитического мышления, в качестве объекта имеет ключевое значение для эксплуатации капиталистической машиной природы и общества. Без углубления пропасти между субъектом и объектом, более того, без серьезного узаконения этой пропасти, невозможно достичь переворота в мышлении, достойного новой эпохи.

Если субъект является наиболее знаменитым и действующим фактором аналитического мышления, то объект, скорее всего — это тот «материальный» элемент, в отношении которого могут быть осуществлены любые спекуляции. Иными словами, он представляет «объективизм». Это разделение стало причиной многих серьезных конфликтов. Так, столкновение между церковью и наукой не стоит воспринимать только как споры об истине. В его основе лежат целые пласты социальной борьбы. В определенном смысле здесь подразумевается борьба между старым обществом, обремененным критериями нравственности, и открыто капиталистическим обществом, стремящимся избавиться от всего лишнего, в том числе от «моральной накидки». Дело даже не в конкретной борьбе церкви с наукой. В более широком смысле речь идет о том, что на смену системе, которая на всем протяжении истории оберегала общественную совесть, запрещала ее эксплуатацию, проклинала эту эксплуатацию, считала ее грехом, пришел новый капиталистический общественный проект, который, напротив, стремится полностью втянуть общество в систему эксплуатации, не признавая при этом никаких запретов, грехов и проклятий. «Объективный подход» является ключевым понятием этого проекта.

Не существует ровным счетом никаких ценностей, которые «объективизм» не мог бы подвергнуть анализу сквозь призму «аналитического мышления». Система может присвоить себе не только труд человека, но и всю живую и неживую природу. Подвергнув все и вся исследованиям и изучению, может установить глобальную сеть эксплуатации. Кроме избранных субъектов, все вокруг может быть подвергнуто механической оценке и безжалостной эксплуатации. «Новыми изобретениями» станут образования личность — гражданин — нация — государство, противостоящие природе и обществу как основной субъект. Именно они, став новыми божествами, но уже без масок, в результате уничтожения отдельных народов сделает окружающую среду совершенно непригодной для проживания. Исторический Левиафан, кажется, возвращается еще более дерзко, и, кажется, нет такого объекта, который бы он не собирался присвоить и разорвать на части. Следует понять, что восприятие объективного подхода как нейтрального определения научного метода неминуемо приведет к серьезным трагедиям, заблуждениям, убийствам и погромам,

которые будут гораздо страшнее средневековой инквизиции. Особо следует отметить, что не может быть и речи о том, чтобы определять объективный подход как нейтральный.

Невозможно объяснить нынешнее положение бездейтельностью социологии, точнее, ее банкротством до тех пор, пока сторонники научного метода сами не осознают тот факт, что метод превратился в орудие самого грандиозного классового расслоения. Я должен открыто заявить, что в банкротстве так называемого научного социализма, считающегося наиболее амбициозной социальной наукой, некоторое время назад я и сам считал так, определяющую роль играет объективный «научный метод».

Длительное применение идеи научного социализма и всех его производных, крах этих идей в результате их разрушения изнутри или превращение из государственного капитализма в различного рода частные формы капиталистических отношений, имеет место по причине лежащего в их основе «научного метода» и его «объективизации». Я хочу подчеркнуть, что в соответствующих главах я подробно остановлюсь на этих вопросах, и считаю, что сказанного сейчас достаточно. Что касается убежденных борцов за социалистические идеи, не может быть никаких сомнений в искренности их намерений.

Все научные школы, придающее особое значение разделению понятий «субъект» и «объект», привержены своей независимости. Они утверждают, что действуют над всеми возможными общественными ценностями. Наверное, самое серьезное научное заблуждение кроется именно в этих утверждениях. Вероятно, ни в одну историческую эпоху не происходило такого слияния науки с господствующей системой, как это происходит в эпоху капитализма. Научный мир своими методами и достижениями сам целиком и полностью создал эту систему и выступает в качестве силы, охраняющей ее и гарантирующей ее законность. Научный метод капиталистической эпохи и научные воззрения, возникающие на этой базе, функционирование системы во имя получения прибыли, а также возникающие повсюду вследствие этого войны, кризисы, болезни, голод, безработица, представляют собой ту самую силу, которая способствует экологическим катастрофам и демографическим взрывам. «Знание — сила» — это всего лишь гордое название этой неприглядной реальности.

Может быть, кому-то и захочется сказать: «Что в этом плохого?». Если в системе, находящей убежище в броне обездоленности и узаконения своего статуса, раздаются такого рода голоса, звучат подобные суждения, следовательно, имеет место выражение самой естественной реакции.

Самой серьезной причиной того, что капиталистический модернизм сегодня демонстрирует полную несостоятельность, является его «научный метод». Таким образом, жизненно важное значение имеет развитие критического подхода к системе в рамках метода, лежащего в ее основе и в основе порожденных ею дисциплин. Основная слабость всех критических взглядов на систему, включая социалистическую критику, заключается в том, что они используют методы, аналогичные тем, на которые опирается сама система и благодаря которым она существует. Можно сколько угодно критиковать общество, построенное по упомянутому методу, но если критика основана на том же самом методе, она бессмысленна. Те, кто следует по известным, заранее начертанным путям, смогут дойти

только до сел и городов, к которым они ведут, не далее. Именно такова участь, постигшая всех противников системы, включая научный социализм.

В своих трудах я стараюсь опираться на классовый и социальный характер противопоставления субъекта и объекта, потому что эти два понятия, кажущиеся, на первый взгляд, уязвимыми, являются онтологическими причинами существования вымирающего модернизма. Эти понятия не имеют никакого отношения к научным достижениям, как это принято считать. Иными словами, они не лишены релятивного характера. Они воспринимают природу и субъект с такими же заблуждениями, как это происходило, по меньшей мере, в рамках средневекового догматического метода. Отрытое противопоставление субъекта и объекта чревато тем, что мировоззрение оказывается в гораздо более глубоком кризисе и гораздо больше зависит от материального фактора, чем в средневековье. Жизнь человека, буквально задушенная и лишенная каких-либо свобод рамками догматического метода, в условиях капиталистического модернизма оказалась растерзанной на куски на базе противопоставления субъекта и объекта. Во всех сферах жизни насаждается глубокий разлом. «Научные дисциплины» буквально раздробили целое на кусочки, рассортировав ее по клеточкам. Вместе с тем теряется главная ценность, заключающаяся в цельном и неделимом характере жизни в плане категорий времени и места. Невозможно представить себе трагедию более ужасающую, нежели трагедию жизни, оторванной от своей сути, места и времени, «предельно сжатую» во всех сферах. Мы столкнулись с наихудшим проявлением злого рока. Утверждение о том, что общественный организм поражен раковой опухолью, уже не просто аллегория, а наиболее осмысленное толкование системы.

Этой теме, заслуживающей подробного рассмотрения, мы можем уделить лишь ограниченное внимание в рамках данной защитной речи. Я не пытаюсь сформировать новый подход на базе встречной критики. Более того, мои слова вовсе не означают призыв к отказу от любого метода. Я понимаю, что не только человеческая жизнь, но и вся живая и неживая природа, развиваются в рамках определенных соответствующих путей, методов и законов. Я должным образом оцениваю это обстоятельство. Но и должен особо подчеркнуть и то, что чрезмерный детерминизм способствует тому, что их навязчивость и консерватизм могут создать угрозу отрицания прогресса и свободы. Я не думаю, что могут существовать вселенные без метода и закона. Но я также не верю, что утверждение о том, что вселенная обладает только лишь математической структурой, которая лежит в основе механики Декарта. У меня есть глубокие подозрения по поводу нездоровой сути математической логики и логики закона. Я вижу серьезное сходство между мышлением шумерских жрецов, стоящих у истоков изобретения математической логики и закона, и временным научным мышлением. Я уверен, что они представляют одну и ту же цивилизацию.

Быть противником метода вовсе не означает полное его отрицание или стремление к поиску и утверждению альтернативного метода. Необходимо отметить, что гораздо ценнее открытость к поиску путей толкования, более близких к выбору свободной жизни. Если целью является познание жизни, то метод должен способствовать этому. Великая промышленная революция и сильное государство сами по себе принесли человечеству больше войн и разрухи, чем счастья. Слияние производства и рабочей силы отдаляет жизнь от разумного смысла. Владельцы накоплений во все времена представляли собой именно те

социальные слои, которые больше всех способствовали обесмысливанию жизни. В принципе, общество всегда с подозрением относится к накоплению. Идея освобождения от дамоклова меча методических проблем, или решение этих проблем, несет в себе глубокий смысл. Она предъясвляет спрос к современной цивилизации. Яркие примеры этого мы видим на различных этапах истории. Без радикальной критики метода и научных дисциплин, оставивших след на капитализме, на всех его современных структурах и ячейках, без стремления к реконструкции науки, гарантирующей свободу, поиск путей выхода из сложившейся ситуации станет попросту сизифовым трудом. Я вовсе не намерен вносить свой вклад в противостояние модернизма и постмодернизма. Я готов подчеркнуть свое уважение ко многим подходам, демонстрируемым на данном поприще, но подчеркну, что они совершенно не относятся к проблеме. Постмодернизм также расценивается как попытка модернизма продлить свое существование, облачившись в новые одежды.

Свой комментарий я должен представить под названием «поиск истины». Вместо поиска альтернативного метода я пытаюсь найти пути решения проблем нашей жизни, полной ошибок и лишенной ценностей свободы. Несомненно, в обществе всегда имел место поиск истины. На пути от мифов к религиям, от философского миропонимания к научному — выбор зачастую формировался как ответ на поиски. Безусловно, нельзя представить себе жизнь без возможности выбора, но вместе с тем нельзя отрицать и иронии судьбы, которая превращает выбор в основную причину проблем и противоречий. Иными словами, речь идет о том, что ни без возможности выбора, ни с ней жизнь невозможна. Однако господствующий ныне модернизм имеет беспрецедентную особенность. Во многих сферах жизни модернизм стоит на грани полной несостоятельности. Можно сходу перечислить бедствия, из-за которых реальная жизнь ассоциируется с настоящим апокалипсисом: это демографические проблемы, истощение природных ресурсов, экологическая катастрофа, беспредельный рост трещин па теле общества, разрушение нравственных уз, отрыв жизни от таких категорий, как время и место, большие стрессы и потеря волшебства и поэтичности жизни, накопление ядерного оружия, способного превратить Земной шар в безлюдную пустыню, новые виды бесконечных войн, буквально задушивших общество в объятьях смерти. Уже само это свидетельствует о несостоятельности нашего поиска истины. Я не собираюсь усугублять безнадежную картину, но я не собираюсь и безмолвно и безропотно воспринимать жизнь такой, какой она сегодня предстает перед нами и захватывает нас целиком. Нельзя терять надежды и захлебываться в собственных слезах. Но для этого надо искать выход из положения. Интересно, пустыми ли оказались наши поиски истины, и мы двигались сквозь тьму? Когда были допущены серьезные ошибки и заблуждения; где и когда начались искажения?

Уверен в том, что капиталистический модернизм в подавляющем большинстве случаев черпает свои силы в ошибочных практиках построения общества, и ни в коем случае нельзя отрицать факт серьезной борьбы с этим явлением. Мы наблюдаем ситуацию, в которой оказались системы, столь тщательно представляемые нам как успешные. Выходит, мир, в котором мы живем, — это, по утверждению самой системы, окончательная и печная форма бытия? Разве невозможна какая-либо иная мировая система? Я понимаю, что просто повторяю вопросы, которыми мы задаемся ежедневно. Но не стоит забывать, что во многих случаях имеет место переход от методических ошибок к ошибкам, (опускаемым научными дисциплинами, от толкований власти и экономических комментариев к такому

мировоззрению и структуризации, которые буквально устанавливают свое господство над правом и эстетикой. Я чувствую в себе силы, позволяющие исследовать проблему. Более того, я считаю это своим долгом и обязанностью во имя идеалов свободы.

Приступая к раскрытию темы хочу подчеркнуть, что господствующая над мышлением человека система противопоставлений наподобие субъективизм / объективизм, идеализм / материализм, диалектика / метафизика, философия / наука, мифология / религия попросту сделала сознание человека уязвимым и ввела его в заблуждение. Углубление в дебри этих противопоставлений является основной методической ошибкой, ведущей к капиталистическому модернизму. Развитие мышления и убеждений в эту сторону на протяжении всей истории цивилизации всячески поддерживалось властями и эксплуататорами и достигло апогея в эпоху капитализма, когда стало играть фундаментальную роль в легализации построенной ими системы. Толкование этих оппозиций как некой абстрактной истории также идет на пользу существующим властям и эксплуататорским системам. Если бы человек не погружался в омут подобных противопоставлений, то ни одна система власти и эксплуатации на протяжении истории не могла быть столь эффективной. Война за господство над мышлением будет способствовать возникновению новых систем власти и эксплуатации. Искатели истины по мере успехов, достигнутых в рассуждениях с позиций данных дилемм, почти всегда становились избранными в кругу властей предрержащих или находили свое место в эксплуататорской системе. Получило подтверждение выражение «Власть — это истина, истина — это власть». Поиск истины, подразумеваемый в данном случае, становится наиболее эффективным союзником политического режима и эксплуататорской системы. Следствием же этого союза стало углубление угнетения и эксплуатации, а в итоге все обернулось утерей свободы и осмысленной жизни.

В таком случае игнорирование поиска истины должно стать первым серьезным методическим вопросом. По сути, следует продемонстрировать негативную позицию: необходимо показать свое отрицательное отношение к поиску истины, выработанному системой, по всем фронтам. Но я вовсе не имею в виду фронт ради фронта. Думаю, что, решив эту проблему, мы должны продемонстрировать свою конкретную позицию. Распад системы начнется только в том случае, если ей будут противопоставлены волна осознанного сопротивления и усилия по строительству общества, способные охватить не только сеть власти, но и все очаги эксплуатации. Все формы социального строительства являются продуктом мышления. Общество строится не руками и ногами, как это принято считать. Если бы это было так, то перед нами предстал бы совершенно иной мир. Все серьезные исторические факты, процессы развития и исторические образования сформировались как результат эффективного мышления и волеизъявления. Одна из величайших ошибок марксистского метода заключается в том, что революционные перемены не культивировались в сознании, их проявления ожидали от пролетариата, изнывающего под ежедневным гнетом и эксплуатацией. Марксистам не удалось увидеть в пролетариате новых рабов. Идеологи этого метода попросту заблуждались, считая пролетария «свободным рабочим». Вместе с другими ошибками мы видим и последствия этого заблуждения.

Каким же в таком случае должно быть мышление, которого мы должны добиться, в том числе осмысливая все научные достижения человечества? Для того чтобы дать более ясный ответ на вопрос, мы должны предельно глубоко раскрыть два типа мышления, один из которых базируется на субъективизме, другой — на объективизме, по, в конечном счете, оба ведут в одном направлении.

Во-первых, объективизм не является адекватным выражением законов природы и общества, как это зачастую утверждают. Если в поисках различий исследовать проблему глубже, то станет очевидным, что так называемые объективные законы есть ничто иное, как современная форма старого «слова божьего». В объективизме постоянно слышны голоса тех, кто установил свое господство над природой и обществом. Копнув еще глубже, мы увидим, что эти голоса исходят от власть предержащих и эксплуататоров. Объективное мышление и хор раздающихся голосов находятся в тесной связи с системами цивилизации. Они воспитаны и выпестованы этими системами. Любые знания, оторванные от объектов, тут же оказываются присоединенными к элементам системы. Следует уяснить, что любое новое открытие в рамках системы или изначально связано множеством связей, или в последующем будет ими связано с их хозяевами. Те, кто пытался настаивать на обратном, как это видно на примерах Адама, пророка Авраама, Мани, Аль-Халаджа Мансура, апостола Павла и Джордано Бруно, становились объектами ярости божеств, господствовавших в системе. Любое проявление объективизма, ассоциирующего себя с истиной и справедливостью, неминуемо сталкивается с тысячей врагов. Объективизм, если он плоть от плоти истины, сам по себе очень ценен. Связка этих ценностей с ценностями свободы ведет к настоящей мудрости. Но надо иметь в виду то, что для этого надо быть борцом за мышление подобно Аль-Халаджу Мансуру и Джордано Бруно.

Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения законов науки, объективизм может привести к двум разным результатам. Нужно проявить настойчивость и продемонстрировать чудеса сопротивления, чтобы понять, какой из этих результатов является отражением господствующей системы, а какой — отражением истины. Если объективное мышление, скорее относящееся к аналитическому типу мышления, не будет привязано к мгновенному сенсорному мышлению, имеющему чувственное происхождение, то оно обречено на вымирание, подобно динозаврам. Чудовище, породившее атомную бомбу — это новый Левиафан, представший на волне аналитического мышления эпохи капиталистического модернизма. И именно на нем лежит ответственность за ту негативную картину, которую мы представили. Исследуя образ нового божества без маски, воплотившегося в форме национального государства, можно ясно видеть, на что способно аналитическое мышление.

Сторонники субъективизма, полностью противоположного объективизму, амбициозно считают, что их учение способно постичь истину путем ее внутреннего созерцания, без спекуляций на тему объективизма. По сути, это разновидность платонизма. Самостоятельное развитие этих суждений неминуемо показывает, что они так же подвержены ошибкам и заблуждениям, как и объективизм: реальные чувственные возможности развиты пропорционально ощущениям. С этой стороны они доходят до экзистенциализма. Они считают человека состоящим из того, что он сам создал. Несмотря на то, что приверженцы субъективизма создали не одну философскую школу, тем не менее, этот подход занимает положенное ему место в такой системе, как объективизм. В своих

взглядах на природу и общество это доходит до «субъективизма» (отрицание объективизма), превращаясь в мощную опору индивидуализма. Мировоззрение, превращающее личность эпохи модернизма в эгоиста, самым тесным образом связано с субъективизмом. То, что вместо здорового «я» во главу угла ставится индивидуализм, связано с управлением, которое ведет к формированию общества потребления.

Такого рода мировоззрение породило распространенное заблуждение типа «чем больше индивидуализма, тем больше истины». Капиталистическая система многим обязана такой системе мышления. Кстати, этот тип мышления, нашедший отражение в сфере искусства, в первую очередь, литературе, практически исчерпал себя вместе с созданием виртуального мира. Установив, благодаря индустрии искусства, влияние над всем обществом, он ревностно оберегает свою легитимность, столь необходимую системе. Общество мгновенно подвергается бомбардировке со стороны виртуального мира, что приводит к последовательной утере способности самостоятельного мышления.

Истина теряет смысл, ее постепенно выдворяют в мир копий. По сути, теряет смысл разница между подлинником и копией.

Положительная сторона субъективизма заключается в его тесной связи с чувственным мышлением. Сильной стороной интуиции являются чувства и поиск с помощью ощущений.

В мистических учениях и в ближневосточной мудрости предпринимались попытки познать целостность природы и общества чисто интуитивным методом. Причем полученные результаты и по сей день могут выступать в качестве источников. По сравнению с объективизмом Запада субъективизм Востока проявляет более нравственный подход к природе и обществу. Субъективизм, так же, как и объективизм, не избежал мании величия, иногда отождествляя себя с «гласом Божьим». Это и есть их точка слияния. Искренние и исполненные любви представления о божествах, природе и обществе неминуемо превращаются в орудия служения завуалированным и голым королям, занявшим позиции богов системы, как в масках, так и без таковых.

Сегодня, точнее, в рамках капиталистического модернизма, объективизм своими позитивистскими школами и структурами, а субъективизм всевозможными духовными и религиозными структурами, занимают прочные позиции и всеми путями пытаются узаконить свое существование. Но они не столько формируют метод и поиск истины, сколько выступают в роли смазки для механизма системы. Как кадры и структуры, занимающиеся узаконением власти и эксплуатации, они столь же работоспособны, как структурные очаги открытой силы и колониализма. В очередной раз перед нами предстают силы системы, объединенные вокруг лозунгов «Власть есть истина» и «Знание — сила». Поиск истины — это название игры, которая воплощается в функционировании тройки «капитал — наука — политика», которую можно было бы назвать «компанией». Любые поиски истины вне этих рамок либо уничтожаются как происки врагов системы, либо загоняются в угол и обрекаются на медленное угасание. Перед угрозой глобальной утери смысла жизни материальная сторона цивилизации демонстрирует свои лучшие достижения, в плену которых мы и находимся. Но как можно вырваться из кольца «капитал — наука — политика»? Этот вопрос, на который пытались ответить многие свободолюбивые философы

от Ницше до Мишеля Фуко, вовсе не легкий. Надо понимать этих философов, высказывающих свои суждения о смерти общества и человека, оказавшихся не в состоянии противостоять модернизму. Лагеря смерти, атомная бомба, этнические чистки, экологическая катастрофа, глобальная безработица, чрезмерное сужение жизненного пространства, рост онкологических заболеваний, болезни вроде СПИД не только оправдывают их суждения, но и делают необходимыми поиски истины.

Еще раз должен подчеркнуть, что научный социализм, социал-демократическое и национально-освободительное движение, оцениваемые как великие оппозиционные теории, давно уже стали придатками модернизма, отыгравшими свою роль. Очевидно и то, что многие постмодернистские поиски также представляют собой модернистские течения, сменившие одежды.

Системы, достигнув пика своего развития, приходят в упадок и разлагаются. 70-е годы прошлого века ознаменованы переходом к стадии упадка капиталистического модернизма. Несостоятельность метода предвосхищает начало периода разложения. С этим периодом связана активизация экологических учений, феминистских течений, этнокультурных движений. Раздробление научного метода актуализировало ценность предположений о существовании иных миров и толкования свободы. Крайне важно воспринять этот период, который можно назвать хаотическим, во всем его богатстве, а различные группы с альтернативным мышлением считать очагами сопротивления властям во всех уголках мира.

Подтверждение суждения о том, что этот исторический период является очень плодотворным с точки зрения новых разнообразных методов и утверждения истины, повышает шансы возрождения общества в рамках системы сообществ. Конкретизация утопий о свободе и равенстве в форме воссозданных социальных образований относится к разряду актуальных практических функций. Главное - научная ценность намеченного пути и сила свободного волеизъявления. Речь идет о периоде, когда любовь к истине приближается к идеалам свободной жизни. Наш афоризм таков: истина есть любовь, любовь есть свободная жизнь!

В таком случае если со всей любовью не жаждать свободы, которая по сути своей является и методом, и поиском истины, обретение необходимых знаний, достижение передовых позиций и создание общественной динамики окажутся попросту невозможными. Попробуем в рамках нашей гипотезы глубже разобраться в таких понятиях, как осведомленность и передовые позиции.

Начнем исследование, отодвинув в сторону теории предшественников Бэкона и Декарта. Игнорируя оппозиции типа субъект / объект и душа / тело, возьмем за основу человека, что во всех смыслах будет наилучшим началом. Не будем говорить о мире, в центре которого стоит человек, равно как не будем в качестве предмета исследования использовать гуманистический подход. Предметом исследования станет комплекс реалий, сконцентрированных в человеке.

1. Атомы, являющиеся краеугольными камнями материи, с количественной и качественной точек зрения представляют собою наиболее богатое соединение и взаимодействие в

человеке.

2. Преимущество человека заключается в том, что он является высшей стадией развития растительного и животного мира.
3. Он реализовал наиболее развитые формы общественного бытия.
4. Он представляет наиболее гибкий и свободный мир сознания.
5. Он может существовать метафизически.

Совершенно очевидно, что переживание этих особенностей в комплексе, в их внутреннем взаимодействии, становится беспрецедентным источником знаний. Осознание целостности этого источника равносильно осознанию известной нам части вселенной. По меньшей мере, это равносильно правильному началу на пути осознания.

I

Первое. Связь между соединениями внутри атомов и между атомами, представляющими собой краеугольные камни в структуре материи, наилучшим образом может быть установлена в человеке. В определенном смысле человека можно охарактеризовать как комплекс мыслящей одушевленной материи. Несомненно, в рамках нашего исследования человек не будет рассматриваться только как комплекс одушевленной материи, а материя не будет рассматриваться только как образование, лишенное чувств. Установление связи между материей, не имеющей чувств, с человеком, который по сути своей поднялся выше комплекса материй, является сложной смысловой проблемой. Именно в таком восприятии следует искать источники метафизики. Более глубокое восприятие, обладающее безграничной гибкостью, может решить противопоставление понятий «материя» и «смысл». Может быть, целью всей живой и неживой природы является разрушение этого противопоставления. Целью материи является обретение смысла, а целью осмысления становится утверждение превосходства над материей. Именно в этом можно найти причины смертельной бледности, постигшей цветы любви. Возможно, принцип «толчок-тяга» сам по себе пережил преобразование в качестве материи. Говоря о том, что в основе вселенной лежит любовь, мы, вероятно, подразумеваем эти оппозиции. И эта любовь прочно заложена в природе человека.

Хочу сказать следующее: наиболее приближающим к истине методом является изучение материи, из которой состоит человек. При этом, толкование материи, приближающее к истине, просто невозможно в чрезвычайно изолированных модернистских лабораториях. Что касается взаимоотношений созерцаемого и созерцателя в квантовой физике, то они не поддаются измерениям. Подобно тому, как созерцатель меняет материю, созерцаемый может спастись от созерцателя в лабораторных условиях. В таком случае правильное восприятие возможно только путем внутреннего созерцания человека. В принципе, не существует лаборатории, более совершенной, нежели человек. Если Демокрит исследовал атом, пользуясь этим методом, следовательно, метод им был установлен гораздо раньше.

Мы не говорим, что лаборатории непригодны для работы. Мы хотим сказать, что место фундаментальных принципов находится в сфере внутреннего созерцания человека.

Мы можем и дальше развить эти положения. Все законы физики и химии почти в идеальном исполнении можно проследить на примере человека. Никакие физические или химические лаборатории не могут приблизиться к тому богатству механизмов, которое присуще человеку. Наиболее близких к истине физических и химических знаний можно достичь на примере изучения организма человека. Любые материально-энергетические преобразования или богатые химические соединения можно наблюдать в человеке. Опять-таки, осмысление материально-энергетических взаимоотношений во всем многообразии характерно для человека. Можно также постичь единство материи, энергии и мысли в головном мозге человека. Единство, реализуемое в человеке, может привести нас к глобальному вопросу: а возможно ли, что и вселенная обладает такой же особенностью.

Очевидно, что первый принцип, которым мы руководствуемся, делая основной акцент на личности человека, заключается в том, что человек обладает богатым потенциалом в восприятии окружающей действительности. Таким образом, можно говорить об основном пути обретения знаний и здоровом принципе, имеющем отношение к истине.

II

Мы можем наблюдать характерную для человека оппозицию живое / неживое на самых разнообразных примерах. Живая составляющая включает в себя наиболее сложные особенности, которые только поддаются наблюдению. Развитие живого достигло в человеке апогея. Вместе с тем материальная часть, развиваясь в тесной взаимосвязи с живой составляющей, параллельно ей, представляет собой достаточно развитую систему. Структура мозгового вещества и развитие живой материи по сей день таят в себе массу тайн, достижения науки в изучении мозга довольно скромны. Предметом специального исследования должны стать вопросы, касающиеся взаимосвязи между способностью мозгового вещества к структуризации, и живой составляющей, достигшей уровня абстрактного мышления. Говоря о богатстве примеров, мы подразумеваем такой великолепный орган, как мозг. В принципе, все органы и части тела, начиная с сердца, представляют собой отдельные уникальные явления. Тут же хочется подчеркнуть, что исследование человеческих органов — это комплексное мероприятие, которое не может быть прерогативой только одной медицины. Оно должно осуществляться более осмысленно, путем объединения усилий всех наук. Исследование человеческой сути в рамках оппозиции тело / дух только лишь в рамках медицины и психологии стало бы крайне серьезным, чуть ли не преступным невежеством.

Мы можем изложить некоторые гипотезы, касающиеся раскрытия взаимоотношений между живым и неживым, наблюдающихся на примере человека. Прежде всего, следует признать, что материя обладает жизненным потенциалом. Без этих способностей материальная структура человека не могла бы соответствовать высокоразвитому миру чувств и мышления. Как в таком случае достичь живого потенциала материи с помощью более глубокого восприятия? Первый ответ: противопоставление толчок / тяга следует поставить во главу

понятия потенциально живой материи. Возможно, имело бы смысл считать это основополагающим принципом, наблюдаемым во всей вселенной. Второе: можно сослаться на то, что волна, связанная с данным принципом, имеет характер частицы. К этому можно было бы добавить и действующий во вселенной принцип полноты / пустоты. Невозможно представить себе полноту без пустоты, а пустоту без полноты. Если расширить пределы нашего мышления, то придем к выводу о том, что, преодолев оппозицию полнота / пустота оба эти понятия, по сути, потеряют смысл. Как можно будет назвать то новое, что возникнет на их месте? Некоторые привычно отвечают: «Бог». Но, думаю, что отказ от спешки способствовал бы появлению более глубоких мыслей. Может быть, в таком случае нам удалось бы постичь тайну бытия.

Как известно, для осуществления толчка и тяги нужна волна, состоящая из частиц. Именно эти частицы, присутствующие в любой световой волне, способствуют проявлению самой высокой скорости, до 300 тысяч километров в секунду. «Черная дыра», поглощающая свет, еще более усугубляет ситуацию. Что же возникает вследствие поглощения света? Это и есть один из тех вопросов, на которые ответить крайне трудно. Если назвать «черные дыры» островками чистой энергии, как же в таком случае назвать энергию в форме излучения? Возможно ли, что вселенная состоит из огромной дилеммы «черная дыра» — «материя»? Может ли в таком случае материя быть визуализированной формой нематериального мира? Но из этого следует, что мы смотрим на этот визуализированный мир глазами большой живой сущности. Неужели все существующие в жизни дилеммы ассоциируются с этой вселенской оппозицией? К примеру, могут ли быть отражением этого такие антиподы, как любовь и ненависть, добро и зло, красота и уродство, правда и ложь? Вопросы можно задавать бесконечно, но гораздо полезнее задаваться вопросами, которые нам ближе и ответы, на которые мы уже нашли.

Доказано, что материя является концентрированной энергией. Известно знаменитое уравнение Эйнштейна. Речь идет о разнице в восемнадцать граммов энергии между телом покойника и телом живого человека. Означает ли это, что жизнь есть особый энергетический поток? Осуществляет ли выход путем самосохранения энергетического разряда? Не подтверждается ли таким образом правота сторонников анимизма о существовании души или по меньшей мере не является ли эта вера заслуживающей внимания? Разве не заслуживает серьезного взгляда предположение о существовании душ во вселенной, или теория Абсолютного (вселенского) духа Гегеля, или утверждение, что энергия является духом всего живого?

Список вопросов можно продолжить. Важно, что взаимоотношения живого и неживого не могли быть изучены ни путем метафизического толкования в русле средневекового догматизма, ни путем разделения на душу и тело, субъект и объект в рамках капиталистического модернизма. Богатство нашей жизни не может быть раскрыто в рамках подходов, основанных на принципе созидательной силы, происходящей извне, или на закрепившейся во вселенной оппозиции дух / материя. Вопрос и примеры, которыми мы оперируем, показывают, что в случае углубленного изучения вопроса о разнообразии человеческой жизни, совершенствования нашей наблюдательности, стремления понять все процессы, в том числе касающиеся всего живого, в том числе наиболее удивительные, то наши шансы могут быть довольно высоки.

Надо верить, что в природе существует принцип справедливости. Ни одно явление не может зародиться без соответствующих условий. Природа более справедлива, чем мы можем видеть на примере ее явлений. Что касается потери нами способностей к наблюдению, наших заблуждений и искаженного взгляда, то уместно было бы возложить ответственность за это на общество, порожденное цивилизацией. Формирование человеческой личности тоже представляет собой процесс, развивающийся по законам справедливости. Можно сказать, что вся вселенная, живой мир и даже социальные структуры служат делу формирования человеческой личности. Разве можно представить себе еще большую справедливость? Если серьезные искажения действительности со стороны государственной иерархии полностью вытравили из общества эти реалии, то виновных в этом надо искать среди тех сил, которые лично деформировали образ человека. В таком случае функции поиска возьмет на себя человек, ищущий справедливости. Человек способен осуществить любые акции, наполнить смыслом любые действия во имя справедливости. Естественно, за это дело смогут взяться все, кто утверждает, что «ищет справедливости», и они смогут выполнить свой долг осмысленно, организованно и эффективно.

Оценка большого разнообразия и ступеней эволюции в мире живой природы представляется возможной и заметно облегчается в рамках нашей основной перспективы. Благодаря взаимопереходу молекул между растительным и животным миром процесс нашего восприятия заметно облегчится. Наука в этих вопросах достигла немалых результатов. Несмотря на все недостатки и множество нераскрытых вопросов, наука позволила нам многое понять. Мир растений сам по себе есть очарование. Пройдя путь от простого мха до восхитительного фруктового дерева, от луговых трав до роз с шипами, мир растений будто бы демонстрирует способности всего живого мира. Способность прекрасной розы защитить себя с помощью шипов многое объяснит даже самому недалекому человеку. Наиболее впечатляющей стороной эволюции является то, что каждый последующий этап несет на своих плечах все достижения предыдущего, оберегая их как частицу обогащения. Так что даже самое молодое растение является своего рода апогеем всего растительного мира. То есть эволюция происходит не путем уничтожения одного вида другим, как это принято считать (догматический шовинизм), а путем взаимного обогащения и приумножения. От одного вида к множеству видов, от примитивного мха к бесконечному разнообразию — таков истинный путь развития. Многообразие и разнообразие следует воспринимать как язык и жизнь растений. У растений тоже имеются семьи, близкие, иногда враги. Но у каждого вида растений есть своя система защиты. Кажется, нет ни одного организма, который был бы лишен способности к самозащите.

Еще одна особенность, которую следует проанализировать, — это половое или бесполое размножение. Если бесполое размножение представляет собой очень примитивную форму, то половое размножение, то есть размножение путем соединения различных полов, является господствующим. Соединение мужского и женского пола в одних и тех же особях осталось еще со времен переходных стадий эволюции. Для размножения и разделения на виды необходимо, чтобы разные полы были представлены в достаточной мере. Нельзя достичь разнообразия без разделения на особой мужского и женского пола. Здесь мы сталкиваемся с еще одним чудом природы. Довольно частое рождение проблемных, парализованных особей в родственных браках, являющихся продолжением мужского и женского статуса в рамках одной особи, также оказывается требованием эволюции.

Прогресс возможен только при условии противоречий, дифференциации на позитивной основе путем разделения особей на мужские и женские (что можно назвать также позитивной диалектикой). Ясно, что настойчивое стремление остаться «без изменений», по сути, означает отрицание прогресса. Предельно ясно, что принцип неизменности в поисках различного рода абсолютных истин (метафизическое мышление), не способен дать верный ответ на вопросы, поставленные природой.

Еще один вопрос, требующий более внимательного изучения — это вопрос о стремлении вселенной к развитию. Точнее, не является ли стремление доказательством живой сущности вселенной? Может ли что-либо неживое развиваться? Биологическая наука существенно облегчает ответ на этот вопрос. Еще одна серьезная проблема биологического развития связана с исключительностью планеты Земля. Считается, что в наблюдаемой нами вселенной до сих пор не обнаружена другая планета с признаками жизни. Такой подход довольно проблематичен. Во-первых, человек ограничен в своих возможностях установления всех планет. Насколько комар может рассуждать о мире, настолько же человек может рассуждать о вселенной. То, что человек якобы способен знать все, является инсинуацией метафизического мышления. Эта позиция чем-то напоминает утверждения о божественном создании.

Количественные рассуждения о космических объектах не могут пролить свет на вопрос. Следовательно, мы еще в начале пути познания всех чудес мира, и пока неизвестно, с чем нас столкнет наше стремление к познанию. Нельзя игнорировать достаточно частое утверждение «Все живое заключает в себе вселенную». Более того, определенную ясность может внести восприятие, допускающее наличие параллельных миров. Думаю, что сказанное станет яснее после следующего примера. Живые клетки в ткани человека сами по себе являются фактом. Даже в клетках мозга формируется мышление. Могут ли такие клетки позволить нам утверждать, что мир таков, каким мы его осознаем? С другой стороны, эти клетки не обладают всей информацией о вселенной, в которой живет человек и которая находится за рамками восприятия человека. Но та - кое положение не может означать отрицания факта существования человека и всевозможных макро- и микромиров. Не можем ли мы оценить человека на уровне этих клеток в рамках макромиров? Утвердительный ответ на этот вопрос означает существование других миров. Наши предположения о существовании параллельных миров основываются на следующем: если предположить, что каждый из миров связан с масштабами фазы или волны, то допустимо возникновение бесчисленного количества вселенных. Волновая система, породившая человечество — это попросту один из миров.

Все наши предположения не предусматривают спекуляций на эту тему. Мы всего лишь пытаемся преодолеть узость взглядов. Мы хотим избежать ловушек, расставленных комплексом искаженных знаний и верований, которые являются продуктом неполноценных методов и, во многих случаях, насильственной практики, реализуемой из государственно-иерархических побуждений. Наше мышление в гораздо большей степени, чем мы сами предполагаем, является продуктом упомянутых государственно-иерархических механизмов, представляющих собой машину лжи и искажений. Более того, и механизмы уничтожили многие верные мысли и учения.

Фауна сама по себе является системой. Встречаются виды, которые изначально, на клеточном уровне, одновременно относятся и к растительному, и к животному миру. Впрочем, внимательное наблюдение покажет, что фауна как таковая невозможна без флоры. Растительная форма существования в принципе является предварительным условием животной формы существования. Еще важнее, что развитая растительная система является условием развития животного мира. Принадлежность к одушевленной природе способствует формированию у представителей животного мира таких развитых чувств, как зрение, осязание, боль, желание, гнев, любовь. Чувство голода и постоянные поиски корма требуют более пристального изучения. С легкостью можно проследить связь между чувством голода и потраченной энергией. Как видим, это еще раз демонстрирует связь энергии с одушевленностью. Утоление голода означает накопление энергии, в которой нуждается животное.

Следует тщательно рассмотреть вопрос, связанный с половыми потребностями. Данная потребность, выражающаяся в высшей степени чувственно и агрессивно, по существу, представляет собой функцию воспроизводства и продолжения жизни. Мощность энергии при формировании половых потребностей наводит на размышления о связях с продолжением жизни. Но не следует воспринимать половой фактор как единственный фактор продолжения жизни. Может быть, половой способ продолжения жизни является самым древним и представляет собой продолжение жизни количественным воспроизводством.

Разбивка особей на пары и эволюция способствуют возникновению более богатых форм жизни. В принципе, совокупление таит в себе не только стремление к жизни, но и страх смерти, точнее, означает саму смерть. Каждая половая близость — это частичная смерть. Некоторые животные умирают сразу же после совокупления. В таком случае, отчетливая связь с половой принадлежностью ассоциируется с наиболее древней формой жизни и наступлением смерти. Половая привязанность в самой примитивной форме означает выбор смерти как финала. Но по мере того, как половое начало в живой особи обогащается такими чувствами, как любовь и красота, особь делает шаг к бессмертию. Бессмертие в произведениях искусства является результатом та - кого мировосприятия. Что касается полового воспроизводства, то это явление можно было бы даже считать формой самозащиты. Иными словами, чем больше репродуктивность, тем сильнее ощущение собственной значимости, продолжительности и защищенности.

Половой фактор и репродуктивность в обществе станут предметом нашего тщательного изучения. Серьезная ошибка считать «любовью» примитивную похоть, присутствующую и совокуплении ради воспроизводства. Напротив, похоть, характерная для совокупления, является отрицанием любви. Капиталистический модернизм, способствуя тому, что половой фактор, подобно раковым клеткам, бесконтрольно растет и преподносится в обществе под названием любви, тем самым фактически убивает саму жизнь. Истинная любовь — это великая страсть, выраженная на языке формирования вселенной. Слова Мевланы о том, что «все, что в жизни есть, любовью называется, остальное нее мелочь», может быть подлинным объяснением любви. Любовь связана с преодолением половой похоти, точнее, развитием и нравственным мире человека взаимного осознания и восприятия свободы. Похоть как таковая связана также с потерей свободы, материальным бездействием. Вернее,

всего было бы связать любовь (кстати, не только между мужчиной и женщиной, но и между всеми элементами вселенной) с созиданием гармонии.

Страсть и чувства сами по себе чудо. К примеру, как можно оценить умение живых существ видеть? Ясно, что эта способность является наиболее развитой особенностью представителей животного мира. Ясно и то, что зрение как таковое без света по - и росту невозможно. Зрение — это своего рода мышление. Очень важно воспринимать все особенности одушевленных существ, в первую очередь половые особенности, как своего рода мышление. Одушевленность в каком-то смысле является способностью обучения. В этом смысле как нельзя уместно высказывание Де - карта «Мысль, следовательно, существует». Обобщая, мы можем расценить поворот вселенной в рамках собственных правил как обучение. Правила напоминают обучение. Но опять-таки обучение, основанное на зрительных ощущениях — это потрясающий прогресс. Всем прекрасно понятны слова: «Бог создал вселенную для того, чтобы созерцать Себя». Суждение Гегеля о материализации духа для самопознания также связано с умением видеть. Может быть, умение видеть и быть увиденным является основной причиной стремления к развитию.

Удовольствие и боль также дают о себе знать в животном мире. Оба эти чувства напоминают о различиях, существующих в жизни. Чем больше удовольствий, тем больше познается жизнь, тем привычнее она становится, с другой стороны, чем больше боли, тем больше познается жизнь, но уже не возникает желания привыкнуть к такой жизни, тем более продолжить ее в таком виде. Оба эти чувства — школа непосредственного познания. Удовольствие и боль обладают крайне высокой познавательной ценностью. Удовольствие прекрасно, но может способствовать проявлению разнообразного безумия во имя познания удовольствия. Боль также является великим учением, следовательно, способствует возникновению серьезной необходимости в познании ценностей жизни. Если удовольствие заканчивается ощущениями, близкими к боли, то боль также в конце дает высокие шансы превращения в удовольствие. Жизнь одновременно ставит вопросы, связанные с познанием различий, получением удовольствия и даже испытанием боли.

Поскольку связь между жизнью и смертью носит метафизический характер, рассмотрение этой связи на примере общества более правильно. Важное обстоятельство, приковывающее к себе интерес в рассуждениях о животных — это существование хищников, то есть тех животных, что питаются мясом. В принципе, все животные могли бы продолжить свое существование, питаясь растениями. Тяга животных к мясу вовсе не является вынужденной. Но в то же время существуют различные виды хищников. Как можно это объяснить? Решающим в данном случае может быть фактор угрозы, исходящий от чрезмерного воспроизводства. Если половое размножение является гарантией продолжения жизни, то чрезмерное воспроизводство может попросту уничтожить возможности для жизни. Например, скорость размножения мышей может привести к уничтожению растений. В то же время такие животные, как овцы, козы и коровы, тоже могут съесть все растения. Более того, в мире птиц тоже может происходить увеличение популяции, нарушающее баланс. В таком случае увеличение и активизация популяций змей, львов и соколов не преследует цель уничтожения птиц, а становится необходимостью с точки зрения способности животного мира к продолжению жизни. Крайне опасно видеть в этом «разделении труда» несправедливость живой природы. Однако здесь есть тонкая грань, и если, к примеру, эта

грань будет нарушена и чрез - мерно увеличится популяция змей, львов и соколов, то в живых останется очень мало видов животных. Восхищает способность живого мира к саморегулированию.

Мы тщательно рассмотрим серьезное значение полового размножения для развития общества, его место в продолжении жизни, а также связь этого явления с нравственностью. Вернувшись к человеку, основному предмету нашего исследования, с биологическим миром, увидим, что все, происходящее в этом мире, словно бы находят свое отражение в личности человека. Все особенности, существующие во флоре и фауне, можно видеть в мире людей. В определенном смысле человек является и целью, к которой стремится развитие растительного и животного миров, и преемником этого прогресса. Живой организм выше человека может существовать лишь гипотетически. Впрочем, величайшая сила мышления, свойственная человеческому мозгу, вероятно, делает ненужным появление новых форм. Развитие мозга как критерий обучения и мышления, являющегося основой - мой особенностью живого мира, достигло своего апогея. Познание миром самого себя реализуется на примере человека. В этом смысле, возможно, обретает смысл высказывание из Священного Писания «Я создал человека для познания себя».

Несомненно, человек стоит выше всего живого на Земле и растительного и животного миров — но никак не наоборот, иными словами, вся флора и фауна вместе взятая не может заменить роли человека. Тут возникает необходимость рассмотрения человека как отдельного мира, но то, что мы имеем в виду, отнюдь не означает восприятия вселенной с человеком в центре. Я вовсе не имею в виду пантеизм (единство природы и божества). Я считаю нужным раскрыть особенности человека как самостоятельного вида. Значение человека предопределяет необходимость его рассмотрения в качестве отдельного мира.

III

В таком случае необходимо, чтобы человек, создавший свойственное ему общество, рассматривался как предмет исследования, что очень важно для осмысленного поиска истины.

Для предмета нашего исследования вовсе не важен такой факт, как отрыв человека от приматов и этапы его эволюции как вида. Мы не будем заниматься вопросами антропологии. Несомненно, не только в мире животных, но и в мире растений можно встретить многочисленные примеры сосуществования. Природа каждого вида диктует необходимость существования в рамках сообщества себе подобных. Так, деревья — это часть леса, а рыба — это часть косяка. Человеческое общество обладает качественным отличием. Общество само по себе, возможно, есть высшая стадия развития человечества или организация, создавшая человека. Если человека (буквально с момента его рождения, гарантировав его безопасность) оторвать от общества и переместить в лес, он не избежит превращения в примата. Если к нему отправить еще несколько человек, то начавшийся среди них процесс будет схож с тем, что имеет место у приматов. Подобное не встречается в сообществах животных. Такая ситуация не характерна для животного мира, поэтому она подчеркивает исключительную ценность человека. Беспрецедентной является как роль общества в

формировании человека, так и роль человека в формировании общества.

Без сомнения, невозможно представить себе общество без человека. Но в то же время считать общество обычным сообществом людей значит делать серьезную ошибку. Человек без общества не может подняться выше уровня примата. Но человек общественный представляет собой величайшую силу. Он достигает огромной силы мышления. Решение одного человека (например, взорвать ядерные бомбы) может превратить Земной шар в безлюдную пустыню. Человек продемонстрировал свое умение полететь в космос. Он способен к разнообразным находкам и изобретениям. Мы приводим эти примеры для того, чтобы подчеркнуть силу социализации. Тема общественного устройства относится к предмету изучения социологии, но вопрос, который мы хотим решить, совершенно иного характера. Путь постижения знаний и поиска истины нельзя представить себе вне общества. Все, что происходит в рамках человека, имеет общественную природу и характер. Мы в данном случае говорим о человеке не как о преемнике всего живого мира, включая флору, фауну, даже физический и химический мир. Речь идет о человеке, реализующем себя в обществе.

Все цивилизации, включая капиталистический модернизм, изучали человека в отрыве от истории и общества. Точнее, все мысли и произведения, ставшие предметом обсуждения применительно к личности человека, представлялись в отрыве от истории, более того, как итоги труда личностей, стоящих над обществом. Именно это способствовало изобретению завуалированных и голых королей, божеств в масках и без масок. Впрочем, развивая мысли об обществе, мы можем не только разобраться с этими монархами и божествами, но и выяснить, какое мышление, какие общественные структуры, в частности, социальные системы, порождающие насилие и эксплуатацию, стали источниками их появления.

Основной фундаментальной проблемой метода является умение осмысленно решить вопрос взаимоотношений человека и общества. Увенчанные научной славой Бэкон, Декарт и их последователи, обсуждая методические проблемы, словно ничего не знали об обществе, в котором действовали, не имели с ним практически никакой связи. Сегодня очень хорошо известно, что общество, вдохновившее их, это общество таких стран, как Англия и Голландия, которые возвели капитализм в ранг мировой системы. Методы, сформированные этими мыслителями — это социальные учения, полностью раскрывающие двери общества перед капитализмом.

В таком случае, что мы можем наблюдать, взявшись за исследование социума как фундаментальной категории?

А. Общество есть формирование, качественно отличающее человека от животного мира. Это обстоятельство нами в достаточном виде раскрыто.

Б. Общество создается людьми, но вместе с тем оно само создает и формирует личности. Основной фактор, требующий понимания в данном случае — это то, что общество создается руками человека, благодаря его способностям. Общество не является институцией, стоящей над личностью. Как бы они ни влияли на память человека, как бы ни позиционировали себя — от тотемов до божеств, — совершенно очевидно, что общества есть институтами,

созданные человеком. Без человека не могло быть общества, развивающегося по законам тотемов или божеств.

В. Общество находится под воздействием исторических и пространственных ограничений. Иными словами, внутри самих обществ имеются созданные ими категории времени и географические условия. Нет обществ, свободных от исторических и географических факторов. Социальные утопии, подходящие ко всем условиям и не признающие исторических сроков, неизменно обнаруживали свою несостоятельность.

Фактор истории заключается в выражении времени, от которого зависит в целом все живое и, в частности, человек. Время и сроки, в первую очередь, времена года, играют решающую роль в формировании тех или иных видов. Бессрочных образований в принципе не бывает. Как известно, понятие «вечность» распространяется только на «перемены». То есть неизменными, свободными от времени являются только перемены. Связь истории с обществом тесна и кратковременна. Если применительно к вселенной действуют сроки, выраженные в миллиардах лет, то применительно к обществу сроки, превышающие несколько тысяч лет, уже считаются длительными. Наиболее распространенные сроки — это день, месяц, год, столетие. Местами дислокации обществ, как правило, становятся регионы с богатой растительностью и животным миром. На полюсах и в экваториальных зонах общества возникают исключительно редко. Наиболее богатая флора и фауна может служить базой для формирования самых плодотворных обществ.

Многие философские школы и религиозные учения, сформировавшиеся в рамках государственных и иерархических традиций, насаждают в сознании человека оторванную от социальной истории и места систему, как некое веление судьбы. Истории известны случаи, когда отдельные героические личности вершили историю, но вместе с тем известны и случаи, когда отдельные мыслители и религиозные деятели создавали философские и религиозные системы, оторванные от исторических общественных традиций. Капиталистическое мышление уделяет серьезную роль науке, но вместе с тем, в частности, применительно к обществу, оно мыслит с позиций индивидуальности. При этом постоянно остается непрояснен вопрос, какая общественная формация способствовала возникновению тех или иных религиозных и философских систем, и каких именно. Доказано, что социальные категории времени и места способствуют формированию личности, вместе с тем доказано и то, что личность играет серьезную созидательную роль в формировании будущего, в частности, в рамках доставшихся образований. Таким образом, при рассмотрении проблем метода и восприятия истины исторические и географические факторы являются совершенно необходимыми условиями.

Г. Существенным обстоятельством является то, что реалии общества имеют характер, в котором они сформированы. Наиболее часто встречающейся ошибкой является то, что люди приписывают общественным структурам и институциям качества естественных объектов. Узаконение систем общества позиционируется как неизменные священные устои. В сознание людей эти структуры систематически насаждают избранность божественными структурами, чуть ли не назначение ими. Капиталистический модернизм старается внедрить в сознание людей то, что общество якобы вступило в финальный период, либерализму нет альтернативы, даже то, что наступил «конец истории». Часто говорится о

неизменных, не подверженных изменениям конституциях и политических режимах. Но в то же время краткий экскурс в историю показывает, что эти так называемые неизменные и непогрешимые режимы существуют не более столетия. Здесь очень важны идеологические и политические лозунги, ежедневно сковывающие мышление и волеизъявление человека. Системы власти и эксплуатации испытывают серьезную потребность в подобной идеологической и политической риторике. Без использования сильной идеологической и политической риторики очень тяжело управлять современным обществом. Именно поэтому серьезное развитие получают средства массовой информации. Научные учреждения и система мышления в подавляющем большинстве случаев поставлены в зависимость от очагов власти и эксплуатации.

Чем больше мы будем знать о том, что общественные реалии зачастую искусственно созданы, тем лучше сможем управлять процессом их распада и реконструкции. Нет неизменных общественных формаций, гарантированных от распада. Более того, неизбежным условием свободы является распад и реконструкция эксплуататорских общественных формаций. Говоря об общественной формации, мы имеем в виду идеологические и материальные структуры. Во всех социальных сферах — будь то язык, религия, мифология, наука, экономика, политика, право, искусство, мораль или философия — при соответствующих времени и месте постоянно формируются, распадаются, реорганизуются и возникают новые общественные структуры и институты.

Д. Крайне важно не воспринимать абстрактно взаимоотношения между обществом и индивидом. Индивиды участвуют в деятельности всех институций, созданных во всех перечисленных нами социальных сферах и имеющих сформированные на протяжении истории язык и устоявшиеся традиции. При этом участие происходит не по их усмотрению, а в соответствии с разработанными и утвердившимися устоями и традициями, изначально сформированными в обществе. Социализация индивида требует приложения серьезнейших педагогических усилий. В определенном смысле индивид становится членом общества и подчеркивает свою причастность к нему только после усвоения культуры общества, олицетворяющей его историческое прошлое. Социализация происходит в результате постоянных усилий. Любое социальное явление одновременно есть явление социализации. Таким образом, индивид формируется не так, как он этого хочет, а неизбежно по модели, продиктованной обществом. Поскольку любое общество, в особенности классово-иерархическое, предусматривает угнетение и эксплуатацию, индивид несомненно всегда будет ощущать потребность в сопротивлении и свободомыслии. Индивид никогда не примет добровольно общественную формацию, создавшую рабство. Более того, он будет сопротивляться процессу слияния, ассимиляции в чужеродном, эксплуататорском обществе. Но его личность будут пытаться «перемолоть» в жерновах угнетательских и эксплуататорских структур всех обществ, ее будут регулярно уничтожать. Жернова общественной машины, перемолов все негодное обществу, выдают материал, сформированный из этой муки. Структурные противоречия, или фактор сопротивления человека найдут свое место в балансе, основанном на идее консенсуса в обществе. Общество не обладает силой, позволяющей абсолютно растворить в себе индивида, а индивид не в состоянии полностью оторваться от общества.

По сути, методическая работа над личностью человека, воспринимающего общество во всей его полноте, и установление истины могут дать более серьезные результаты.

IV

Только высокий уровень гибкости человеческого мышления может наполнить наше исследование смыслом. Без познания природы человеческого мышления идеи метода и истины так и повиснут в воздухе.

Стремясь познать суть человеческого мышления, мы детально говорили о его двойственной структуре. Мышление состоит из двух частей: с эволюционной точки зрения, более древней части (правое полушарие головного мозга), для которой характерно довольно развитое чувственное мышление, и относительно новой, готовой к постоянному развитию аналитического мышления, части (левое полушарие головного мозга). Именно эта особенность формирует гибкость человеческого мышления. В мире животных чувства и мышление находятся примерно на одинаковом уровне, чувства выражаются условными и безусловными рефlekсами, то есть они выполняют все необходимые функции. Это своего рода мгновенные реакции. То же встречается и у человека. Например, тело человека мгновенно реагирует на огонь, тут нет необходимости в аналитическом мышлении. Но для восхождения на вершину Эвереста необходимо проанализировать сотни условий. Решение о начале пути принимается только после того, как будут подвергнуты анализу все связанные с этим обстоятельства. В мире чувственного мышления нет места вероятности ошибки, поскольку действия совершаются только по интуитивной реакции. Что касается аналитического мышления, то оно способно охватить годы. Наши поиски метода, труда и истины поневоле основаны на таком мышлении. Без познания системы нашего мышления точные знания о методе и истине могут иметь разве что случайный характер. В таком случае первостепенное значение должно иметь хорошее познание мысли самой себя.

Наиболее важной особенностью нашей мысли является ее гибкая структура. Можно сказать, что шансы на свободный выбор внутри всех образований за рамками нашего мышления крайне ограничены. Свободу мы можем представить себе очень узко. Мы не знаем, как протекает свободный выбор ни в частицах, из которых состоит атом, ни в образованиях макрокосмоса. Но, обратившись к существующему во вселенной разнообразию, мы осознаем, что это возможно только путем гибкого функционирования и способности свободного выбора, как в мире частиц, так и в макрокосмосе. Возможности человеческого мозга широки. Свободой безграничного движения мы обладаем, по меньшей мере, на потенциальном уровне. Естественно, мы не забываем, что этот потенциал может принять активную форму только путем социализации.

Вторая особенность заключается в том, что гибкость нашего мышления может стать инструментом самого правильного восприятия, но вместе с тем она зачастую становится структурой, не защищенной от ошибочного восприятия. Гибкость, лежащая в основе этой особенности, в любую минуту может погибнуть в мире гнета и чувственного восприятия. Именно поэтому политические методы, преследующие цель одновременного охвата механизмов гнета и истязаний и чувственного восприятия, реализуются на почве обмана и

лживых инсинуаций. Иерархические и государственные образования, тысячелетиями строящие свою систему подавления человеческого мышления, добились больших побед, чуть ли не сконструировав удобную для них систему мышления. К широко известным особенностям относится и то, что мышление зачастую можно захватить в плен многочисленными поощрениями. В противовес этому структура нашего мышления, способная также к сопротивлению, демонстрирует беспрецедентные особенности к поиску верного пути и постижению великих истин. Определяющей является роль независимого мышления великих личностей в достижении этих целей. Свободный выбор зачастую возможен только в том случае, если мышление сохранило свою независимость. Между развитым восприятием и умением быть независимым есть тесная связь. Под независимостью мышления, прежде всего, подразумевается умение действовать по законам справедливости.

Мы уже говорили, что в основе взаимоотношений реальности и справедливости лежит структура мироустройства. В таком случае можно сказать, что мышление, способное к справедливости, лучше всего может использовать шансы свободного выбора в соответствии с этой структурой мироустройства. Поэтому история свободы, являющаяся самой серьезной обучающей силой, может воспитать наше мышление (общественную историю) и подготовить его к правильному выбору. Психоанализ усиленно стремится измерить глубину нашего мышления. Он уверенно превращается в новую сферу знаний, но он не может получить верные и полезные знания самостоятельно. Большая роль тут принадлежит фактору независимого подхода к индивиду. Рассмотрение человека в отрыве от общества может привести к крайне негативным и нездоровым последствиям. Усилия социопсихологии, направленные на устранение этого недостатка, на сегодняшний день не очень плодотворны. Социология сама по себе выстроена неверно, поэтому социопсихология не может дать положительных результатов. С помощью психологии мы можем лучше познать мышление животных. С помощью психологии мы можем познать также мышление человека — своего рода «суперживотного». Но мы еще в начале пути познания человека как животного социального.

Мы прекрасно понимаем, что возникновение системы метода и познания, без тщательного изучения структуры нашего мышления, получение удачного результата становится чистой случайностью. Только при правильном и глубоком понимании мышления и обретении позиций свободного выбора (общественная свобода) наш метод поиска истины может дать точные ответы на вопросы, связанные с правильным мировосприятием. Наша методическая деятельность в рамках этих условий поможет становлению свободного общества и индивида с помощью накопления более правильных знаний.

V

Особенность, связанная с метафизическим характером человека, представляет собой беспрецедентный пример с точки зрения систематики метода и знаний. Наука о постижении метода и знаний, эпистемология, может стать эффективной только при условии тщательного анализа метафизических особенностей человека. Восприятие человека строго в ракурсе метафизического создания и формирования может стать предметом серьезного исследования. Одной из наименее освещенных социальных проблем является наше

неумение определить метафизический характер человека. Каким образом человек может быть метафизической субстанцией? Из каких потребностей исходит это явление? Каковы негативные и позитивные стороны этого явления? Можно ли жить без метафизики? Каковы самые яркие метафизические особенности? Действует ли метафизика только в сферах мышления и верований? В чем заключается связь между обществом и метафизикой? Является ли метафизика антагонизмом диалектики, как это принято считать, и можно ли ее этим ограничить? Список вопросов можно продолжить.

Если человек является основным субъектом наших знаний, в таком случае без познания метафизического мышления и структуризации, представляющих собой фундаментальные функции этого субъекта, наше стремление к получению достаточных знаний из этого источника будет обречено на неудачу. Речь идет о такой сфере, которую ни социология, ни психология не считают для себя проблемой. Оценка многих школ, в первую очередь религии, как метафизических институтов ставит проблему метафизики в совершенно безвыходную ситуацию. В основе нашего подхода к проблеме метафизики лежит фундаментальная особенность человека как члена социума. Метафизика есть строительство общества, без которого невозможна социальная личность. Абстрагируя человека от метафизики, мы превратим его или в суперживотного (это понятие, использованное Ницше применительно к немцам, нашло свое подтверждение в нацистской системе фашистской Германии), или в суперкомпьютер. Но какими могут быть шансы на жизнь у человека, доведенного до такого состояния?

Посмотрим, что представляет собой человек метафизически:

- а) мораль есть особенность метафизического человека;
- б) религия является важной метафизической особенностью;
- в) искусство во всех его проявлениях может быть охарактеризовано только с метафизической точки зрения;
- г) структурное общество, даже просто общество, как нечто целое, лучше соответствует характеристикам метафизики.

Каким образом и почему человек, особенности которого могут быть перечислены ниже, может быть существом метафизическим?

Во-первых, речь идет о мыслительной способности человека. Представляя собой в какой-то степени космос, способный к самопознанию, и стремясь победить переживаемые эмоции (и боль, и радость), человек вынужден формировать себя, стоящего над физической сутью. Никак иначе он не сможет победить физическую боль и контролировать радость. Метафизическое мышление и структура личности имеют непреходящее значение в плане сопротивления таким эмоциональным состояниям, как войны, смерть, похоть, страсть, красота и прочее. Эти потребности могут быть удовлетворены только путем изобретения бога, если его нет, или развития искусства и умножения знаний.

Несколько иной взгляд, по которому метафизика есть еле чующее после физики состояние, не заслуживает ни осуждения, ни чрезмерного восхваления. Человек, по сути — единственное существо, которое постоянно атакует и пытается раздвинуть границы физики, поэтому смена физики на метафизику есть ничто иное, как потребность, продиктованная онтологическим характером человека. Нет никакого смысла отстаивать умение человека придерживаться только физических законов. Точнее, консервативное пребывание в мире только физических законов может способствовать формированию механистической характеристики человека. Такой поход давно был предложен Декартом, но не имеет научного описания и сводится к освобождению с помощью понятия «дух».

Во-вторых, метафизический подход требует осознание невозможности существования общества без морали.

Общество может быть построено на морали, выступающей только в качестве независимых суждений. Распад Советского Союза и Египта эпохи фараонов, несмотря на их рациональные характеры, мы можем связать только с недостаточно нравственным характером этих систем. Рационализм сам по себе не может быть двигателем общественного прогресса. Он может привести к роботизации, превратить человека в совершенное животное, но не может сохранить его человеческие качества. Рассмотрим некоторые свойства морали: это умение противостоять боли, установление границ удовольствия, желаний и страстей, привязка процесса размножения не к физическим, а к социальным законам. Это также умение принимать решение относительно следования традициям, верованиям и законам. Например, человеку крайне необходимо привязать к определенным правилам даже половые отношения, способствующие воспроизводству. Дальнейшее развитие общества попросту невозможно без контроля над ростом населения. Даже эта тема сама по себе уже подчеркивает крайнюю необходимость нравственной метафизики.

В-третьих, человек с помощью искусства создает свойственный ему мир. Общество развивается благодаря творческим открытиям и разработкам в таких основных сферах, как звук, изображение, скульптура и т.д. Разве можно представить себе общество без музыки, литературы и архитектуры? Все, что дано в этих сферах, носит метафизический характер. Они являются незаменимыми критериями дальнейшего существования общества. Искусство, будучи чисто метафизическим явлением, предназначено для удовлетворения эстетических потребностей человека. Если способность человека выбирать между хорошим и плохим наполняет смыслом его нравственное поведение, умение выбирать между прекрасным и уродливым способствует формированию эстетической составляющей.

В-четвертых, сфера политического управления также изобилует метафизическими суждениями. Сама эта сфера состоит из серьезных метафизических конструкций. Нельзя объяснить политику с помощью законов физики. Максимальный уровень, которого может достичь управленческая система, основанная на чисто физических законах, это роботизация. Обратная сторона медали сводится к стремлению фашизма управлять «человеческими стадами». Если нам удастся выявить свойства политической сферы, способствующие выбору и свободному волеизъявлению, то таким образом мы еще раз постигнем метафизический характер человека как политического образования.

Высказывание Аристотеля «Человек есть животное политическое» ассоциируется именно с этим смыслом.

В-пятых, мы должны особо подчеркнуть, что такие сферы жизнедеятельности, как право, философия, религия и даже наука, полностью заполнены метафизикой. Мы знаем, что история общества показала, как все эти сферы, со всеми своим количественными и качественными особенностями, попросту загружены различного рода метафизическим творениями.

После того, как мы установили, что метафизика занимает преимущественные позиции в жизнедеятельности и индивида, и общества, мы можем более детально и осмысленно подойти к понятию метафизики.

1. В своем историческом развитии метафизические представления характеризовались следующим образом: с одной стороны, происходило преувеличение собственных возможностей и возвышение самой себя до уровня фундаментальной истины, с другой стороны, противники метафизики открыто критиковали ее, считая, что она совершенно лишена реальной сути и представляет собой комплекс слов и приемов, предназначенных для одурачивания человека. Можно легко предположить, что оба указанных подхода демонстрируют или полное отсутствие представлений об историческом обществе, или склонность к преувеличениям. Особенность, которая так и не раскрыта в рамках этих двух мировоззрений, заключается в том, на каких социально-индивидуальных особенностях и потребностях основана сама метафизика. Сторонники возвышения метафизики совершенно абстрагируются от связи метафизики с физическим миром, что оборачивается ошибочным мнением о якобы бесконечной свободе метафизики. Отрицая связь мышления и духа с материальным миром или заблуждаясь, сторонники сугубо метафизического мировоззрения полностью оказались в плену таких заблуждений и преувеличений как утверждения о божественности мироздания вплоть до возвеличивания человека до уровня божества. Несомненно, на подобный ход мысли серьезное влияние оказала иерархическая и государственная система.

Та часть мыслителей, которая полностью отрицает значение метафизики, перешла в наступление, выбрав знаменем материалистический мир, материальную цивилизацию, а в последнее время — и рационализм с позитивизмом. По их мнению, все, что пахнет метафизикой, — это болезнь, орудие обмана, и должны быть полностью искоренены. Однако позднее стало ясно, что рационализм и позитивизм, которым, в частности, обладает капиталистический модернизм, способствуя восприятию жизни в ракурсе фашистского управления «человеческими массами», механистической личности, подобной роботу, симуляции всех чувств, а также уничтожая окружающую среду, фактически способствует общественно-историческому упадку. Чрезмерная зависимость от законов физики не спасает от распада и разложения общества. Именно так становится ясно, что «научность» по сути является наихудшим проявлением метафизичности. Конечно, если общественная жизнь имеет хоть какой-то смысл. Я должен особенно подчеркнуть, что «научность» представляет собой наиболее закоренелый материализм, является наиболее обученным специалистом в сфере власти и эксплуатации, тем самым, вольно или невольно, она выступает в роли обманщицы и олицетворяет наиболее ужасную сторону метафизики.

2. Еще одна группа людей, которые не занимают ничью сторону и которых можно назвать «нигилистами», утверждает, что они вовсе не обязаны придерживаться позиций одной из сторон спора, что нет никакой необходимости в поддержке или отрицании метафизики и они, дескать, могут быть совершенно независимыми. Следует объяснить, что этот лагерь, кажущийся на первый взгляд совершенно безвредным, по сути своей наиболее опасен. Две стороны спора хотя бы живут высокими идеалами, осознают ценности, которые представляют и отстаивают, одержимы стремлением построить общество и преобразовать личность. Что касается тех, кто стоит вне групп, то они, фактически проживая внутри общества и пользуясь ценностями этого общества, своими нигилистическими позициями (отрицания всего) фактически верят в возможность жизни, которой они не придают никакого значения. Они представляют собой прослойку, наиболее близкую к сторонникам «научной» метафизики. Эта прослойка состоит из деклассированных элементов, упавших на дно разложившегося общества, причем численность этой прослойки постоянно увеличивается усилиями капиталистического модернизма. Мы могли бы назвать эту прослойку также наиболее близкой к процессу деградации до уровня животных. Прекрасный пример представителей этой прослойки — футбольные фанаты. Численность подобных групп очень быстро растет. На таких примерах можно увидеть, как капиталистический модернизм способствует увеличению раковой опухоли на теле общества. Оба исторических подхода к метафизике в результате объединяются на почве позитивистской «научности» модернизма. Их религией является позитивизм, а по сути, сменившая одеяния метафизика, а божеством для них является национальное государство. Божество, сбросившее свою маску, непосредственно в форме национального государства освящается содержательными ритуалами и символами во всех современных обществах.

3. Я думаю о необходимости, более того, о возможности выработки более сбалансированного подхода. Зная, что метафизика является общественным строительством, считаю своим долгом развить в рамках таких категорий, как мораль, искусство, политика и мышление, метафизику, соответствующую понятиям добра, красоты, свободы и правды.

Суть достойной жизни сводится к продолжению поисков добра, красоты, свободы и правды, как это прослеживается в историческом обществе, и при этом не стоит принимать все под - ряд, отрицать все подряд и, философствовать о так называемой собственной независимости. Я верю, что искусство достойной жизни способно сделать жизнь в обществе осмысленной.

Безусловно, мы не обречены на метафизику. Но мы также не намерены отказываться от развития высших категорий добра, красоты, свободы и правды. Подобно тому, как зло, уродство, рабство не неизбежны, не является столь же невозможным добродетельный, красивый, свободный и правильный образ жизни. Мы также не обязаны проповедовать нигилизм, являющийся, по сути, наихудшим выбором и ставший результатом безысходности и безответственности (всех иерархических и государственных систем, в первую очередь капиталистического модернизма). Споры об этом стары как мир и ведутся еще с ранних стадий общественного строительства. В этом смысле наиболее специфической особенностью современности является то, что человечество живет в период разложения капиталистического модернизма. Для успешной борьбы за добро, красоту, свободу и правду необходимо свободное мышление и практическое воле - изъяснение, а также реорганизация

общества. Потребность в таких активных усилиях должна реализоваться в научных поисках (метода и режима истины), причем эти поиски должны вестись самоотверженно, на уровне любви.

Для поиска ответов на такие вопросы, как преодоление влияния капиталистического модернизма, развитие и распространение демократического модернизма, необходимо принять все аргументы, которые я старался изложить, в качестве материала, нуждающегося в обработке. Для этого надо не только подвергнуть критике методы и системы знаний, способствующие развитию официального модернизма, но также осветить методы и системы знаний, позволяющие взойти росткам постмодернизма. Наш материал предназначен именно для этого. В качестве ключевой проблемы мы установили, как и почему необходимо сконцентрироваться на проблеме личности. По-прежнему не теряет своего значения точная характеристика и восприятие индивида и общества. Усилия, прилагаемые в этом плане социологией, социопсихологией и антропологией, непродуктивны, поскольку эти науки подвержены искажению модернизмом и полностью погрязли в сетях, поставленных официальной наукой и властью. Усилия, прилагаемые отдельными личностями, и представляющие в этом смысле определенную ценность, бессистемны и не организованы. Несмотря на то что сторонники Франкфуртской школы, Фернан Бродель, Ницше, позднее Мишель Фуко, Валлерстайн и многие другие представители различных философских школ прилагали очень большие усилия, этого оказалось недостаточно для того, чтобы систематизировать новые методы и данные периода разложения модернизма и формирования постмодернизма, который мы хотели бы назвать демократическим модернизмом. Усилий прилагается много, они очень ценны, но в то же время раздроблены. Основной причиной этого является признание, сделанное Валлерстайном: все вокруг отравлено капиталистической системой. Философы, по сути, изнывают в тисках модернизма.

К примеру, крайне интересны высказывания Ницше о том, что модернизм превращает общество в женщину, выхолащивает его, превращает в муравья. Такое впечатление, что Ницше предвидел на пятьдесят лет вперед, ведь его выражение «светловолосое суперживотное» касающееся немцев, стало определением фашистского стада. Говоря о том, что модернизация, национал-этатизм рано или поздно породят фашистскую стадность, а в Японии, к примеру, на базе «народа-муравья» начнет формироваться общество-муравейник, Ницше фактически продемонстрировал дар предвидения, словно сыграл роль пророка капиталистической эпохи.

Макс Вебер, оценивая модернизм как «общество, запертое и железной клетке», сделал очень важное утверждение. Считая рационализм причиной утери миром своего волшебства, он фактически подчеркнул материальный характер цивилизации.

Фернан Бродель подверг крайне резкой критике социальные науки, оторвавшиеся от категорий истории и места. Говоря об определениях, избегающих категорий времени и места, как о «сборниках пустых фактов», он внес серьезный вклад в решение проблемы метода. Прогрессивными являются внесенные им в историю понятия типа «краткосрочное время — событийная история», «конъюнктурное время — переходящее время кризиса» и «время больших длительностей — структуры повседневности».

Критика Просвещения и модернизма сторонниками Франкфуртской школы способна навести на различные размышления. Достаточно того, что цивилизацию модернизма, положившую начало концлагерям, Адорно назвал «угасанием целого периода в кромешной тьме». В частности, очень известно выражение «Неправильную жизнь нельзя прожить правильно». Признавая этим, что модернизм, как метод и знание, устроен ошибочно, он фактически достиг высокого уровня восприятия. Очень плодотворна его критика просвещенности и рационализма.

Поучительно и утверждение Мишеля Фуко о том, что в модернизме в смерти человека исполняется смерть Бога. В частности, его высказывание, что современная власть отождествляется с постоянной войной внутри общества и за его пределами, стало очень сильной, но не разработанной гипотезой. Фуко внес серьезный, пусть и опосредованный, вклад в раскрытие свободной информационной системы так же, как способствовал методическому изучению цепи таких понятий, как власть, информация, тюрьма, сумасшедший дом, школа, армия, фабрика, производство. В анализе власти, войны и свободы, который Мишель Фуко не смог завершить из-за безвременной смерти, он хотел показать, как модернизм буквально убивает человека своими постоянными войнами, как внутри общества, так и вне его. Сам собой напрашивается вывод: свобода есть форма социальной жизни, исключая войны в принципе. В таком случае, без ликвидации индустриализма, закона о прибыли, служащего источником и целью милитаризма, роспуска регулярной армии и утверждения вместо этого принципа самообороны общества и экологических принципов свобода как таковая попросту невозможна.

Валлерстайн убежденно пропагандирует мир-системный анализ капитализма. Этот философ представляет потрясающее изображение современной системы, начиная с XVI века по наши дни. Но он недостаточно категоричен в оценке системы (подобно Марксу, он считает капиталистическую стадию необходимой), равно как недостаточно четко предлагает «противоядие» от системы и выхода из положения. Связывая неизбежность капитализма с привлекательностью буржуазной системы, он будто бы признает ее. Крайне проницательно подчеркивая, что социалистическая система во главе с Советским Союзом не только не в состоянии преодолеть влияние и предотвратить рост капиталистического модернизма, но, более того, придала ему сил, а крах «реального социализма» способствует не усилению капиталистического либерализма, а его ослаблению, Валлерстайн, таким образом, фактически выдвинул важное положение, однако не смог так же эффективно проанализировать распад действующей системы и пути выхода из нее. Он также, вероятно, вполне справедливо, не выдвигает никаких предположений, когда и каким образом завершится структурный кризис модернизма (капитализма), начавшийся в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. Но, несмотря на все это, очень важными представляется положение Валлерстайна о том, что любое, даже самое незначительное, но осмысленное действие может привести к самым серьезным результатам. Видно, что он отошел от жесткого детерминизма, и можно сказать, что он способен на самые детальные рассуждения о методе и системе знаний.

Безусловно, я могу привести имена еще нескольких интеллектуалов. Ясность могут внести также критические рассуждения и предложения Мюррея Букчина об экологии и Фейерабенда о методе и логике. Общий для всех этих просветителей недостаток — то, что

они недостаточно осветили единство знания и практики. Тут, несомненно, проявляется серьезное умение капиталистического модернизма распространять свое влияние на все вокруг. Несмотря на то, что марксистская школа считает себя самой жесткой и научной критикой капитализма, по иронии судьбы, она не смогла избежать участи превращения в самый полезный инструмент власти с точки зрения информации и власти. Марксизм фактически стал левым крылом либерализма. Стопятидесятилетний опыт достаточно ясно это показывает.

Основную причину этого, метод и накопление информации мы могли бы связать с индексацией «экономического упрощенчества». Так называемый научный социализм, крайне примитивно воспринимающий метафизический и исторический характер общества, принижающий явление власти до уровня простого правительственного комитета, придающий экономико-политическому анализу роль некоего волшебства, так и не избежал роли одной из версий позитивизма. Несмотря на то, что в плане введения в социологию марксизму приписывается такая же созидательная роль, какую сыграли Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер, в смысле метода и теории знаний ему не удалось выйти за рамки левого крыла либерализма. Важными и определяющими являются не намерения, а ассимилирующие, обобщающие силы господствующей системы (метод, информация и власть, техническая мощь). Несмотря на то, что экономика сама по себе является значительной силой, без верного историко-социального исследования экономики вкуче с властью и другими фундаментальными метафизическими силами все усилия, направленные на преодоление влияния (по крайней мере, на легализацию в качестве предварительной стадии) системы (капиталистического модернизма), выявление проблем и предложение путей решения, наделение их практической силой и т.д. так и останутся на уровне грубого позитивизма. Существующая теория и практика являются достаточными для этого доказательствами.

Анархистские течения, выступающие с радикальной критикой капиталистического модернизма, достаточно эффективны с точки зрения метода и знаний. В отличие от марксистов, анархисты не говорят о якобы прогрессивном характере капитализма. Они смогли посмотреть на общество с различных углов зрения, что помогает выйти за рамки экономического упрощенчества. Анархисты эффективно играют роль «мятежных» детей общества. В результате, несмотря на все свои благие намерения, они так и остались на уровне сект, убежденно защищающих себя от грехов, совершаемых системой. Все, сказанное мной в отношении марксизма, также относится и к анархистским течениям, а именно: им следовало бы дать точную характеристику системы и проблем, связанных с преодолением ее влияния, более того, следует эффективно использовать методы, а также теоретическую и практическую силу демократического модернизма.

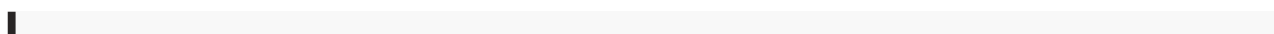
Аналогичные рассуждения мы можем представить также относительно теории и практики экологических, феминистских и культурных движений, которые напоминают птенцов куропаток, освободившихся из железных клеток модернизма. Мы крайне обеспокоены тем, когда и где они станут объектом охоты. При этом очень важно воспринимать их как выразителей наших надежд. Они могут внести свою лепту в развитие альтернативного движения. Социал-демократические и национально-освободительные движения изначально слились воедино с современной системой, превратившись в ее приспешников. Им даже удалось превратиться в два серьезных течения мейнстрима — либерализма.

Подводя итог, отмечу: я считаю, что серьезным вкладом в раскрытие темы стало бы рассмотрение сути антиориенталистского подхода. Оберегая себя от модернизма, я понимаю, что охвачен серьезными противоречиями. Могу сразу же раскрыть две причины этого состояния.

Первая заключается в воздействии классической культуры Ближнего Востока. У этой культуры имеются серьезные противоречия, следовательно, проблемы, связанные с капиталистическим модернизмом. Прежде всего, она в радикальной форме предоставляет главенствующее положение именно обществу. Индивидуализму не так легко прижиться в этом обществе, социальные связи является основным критерием оценки личности. Превыше всего ставится связь с обществом, и в этом сказывается серьезное влияние религии и традиций. Отрыв от общества видится чем-то ужасным, становится предметом насмешек. Не поощряется переход из одного общества в другое, но когда возникают более качественные связи, имеет место возвышение этого общества. Стремление занять места в иерархических и государственных структурах воспринимается с завистью. Традиционная иерархическая и государственная культура Ближнего Востока сохраняет свою эффективность даже в этом ракурсе. Социальный резонанс этих особенностей не позволит сдать свои позиции внешним культурам, в том числе модернистской, точнее, в рамках чуждых культур очень тяжело будет ассимилироваться.

Не стоит удивляться, что культуру «уммы» (община единоверцев-мусульман), олицетворяющую сильную традицию, по сей день предпочитают столь сильному течению современности, каким является национальная государственность, потому что национальное государство является продуктом капиталистического модернизма и чужеродно ближневосточному обществу по сути. Противопоставив националистическое мировоззрение, политический исламизм и национальную государственность, в подавляющем большинстве случаев увидим, что более привычный и местный исламский национализм пользуется очевидным предпочтением. Во многих жизненных укладах продолжается его нестыковка с модернизмом. За пределами Ближнего Востока нигде больше не возникало противостояние капиталистическому модернизму в культурной сфере. Если даже возникали какие-то очаги, то этот процесс неизбежно душился на корню, растворялся в обществе. Уже этого достаточно, чтобы доказать историческую и социальную консервативность культурного пласта.

Вторая причина заключается в том, что, несмотря на серьезный интерес, который я проявляю по отношению к структуре мышления Запада, за долгое время я так и не стал сторонником ни одного из его течений. Если даже мои поиски истины не имели фундаментального и методического характера, я все же осознаю роль метода и сочетания знания и науки, ведущих к модернизму. Я видел открытое превосходство. Я воспринял эту модернистскую культуру с тем же рвением, с каким воспринимал культуру Ближнего Востока, однако, пусть и с запозданием, но я осознал, что обе эти культуры представляют собой производство станка одной и той же цивилизации. Я убедился в том, что основным источником служат иерархические и государственные образования, которым, по меньшей мере, пять тысячелетий. Таким образом, я столь же решительно пронес через фильтр критики общие стороны обеих культур.

В контексте этой критики нетрудно видеть, как индивидуализм, подобно грызуну, впился в тело общества. Совершенно нетрудно понять, что капиталистический либерализм, помимо свободы человека, также эксплуатирует человеческое общество, превратив это в искусство, а его источником служит традиционная торговая культура.

Очевидно, что торговая культура, тесно связана со многими древними традициями, включая три великие религии Ближнего Востока. Товар и изменение товара, лежащие в основе торговли, сыграли главную роль в разложении человеческого общества. Торговое мышление является очень сильной традицией Ближнего Востока. Это мышление сыграло определяющую роль в формировании в обществе таких сомнительных символов, личностей, языковых и структурных факторов, как изобретение образа божества и наделение его элементами святости, развитие заговорщического искусства государственного управления и насаждение лжи и двуличия в сферу нравственности. Вклад Европы способствовал тому, что эта система, путем эксплуатации возможностей Ренессанса, Реформации и Просвещения была лишена корней Ближнего Востока и превращена в господствующую общественную систему. На Ближнем Востоке торговцы и связанные с ними структуры не пользуются уважением, им никогда не предоставляются высокие позиции в обществе. Более того, к ним всегда относятся с подозрением. В Европе капиталистический модернизм сумел возвести товар во главу общества, а наука, религия и искусство встали на службу этого общества. Выходит, что те, кто на Ближнем Востоке безлики и вечно на вторых ролях, в Европе занимает первые позиции.

Сегодня на Ближнем Востоке в моде критика европейского модернизма, вплоть до серьезного силового противостояния, где союзником порой выступает радикальный ислам. Но, по моему мнению, все организации, считающиеся врагами антиориенталистов и модернистов, от Эдварда Саида до «Хизбаллы» точно так же, как внутримодернистские образования типа марксистских, в итоге становятся позорными прислужниками этого самого модернизма. Они вышли на политическую арену во многом благодаря модернизму, и независимо от того, успешны они или нет, по природе они подобны голодным сторожевым псам, вынужденным выклянчивать кусок хлеба у модернизма, а затем в благодарность защищать его. Традиционными у них остались только одежды и бороды, а души и тела переполнены самым реакционным модернизмом.

Тезисы

В самых общих чертах я изложил свой метод критики и стиль оценки информации. По меньшей мере, мне удалось, пусть и ограниченно, пролить свет на характеристику метода и знаний, ведущих к капиталистическому модернизму. Если даже его точность не является несомненной, период структурного хаоса модернизма дает нам шанс развить методы и науку в целях утверждения свободы и демократии, которым мы должны отдать предпочтение. Для облегчения восприятия хочу изложить свои мысли в виде тезисов.

1. Необходимо распознать связь между капитализмом и восприятием метода и науки, основа которого была заложена Роджером Бэконом, Френсисом Бэконом и Декартом, и подвергнуть

их основательной критике.

2. Распознав глубину пропасти между субъективизмом и объективизмом и ее отражение на многие проблемы, воспринять общество (объект) как источник эксплуатации со стороны индивида (субъекта).
3. Принять за естественное разделение общества на буржуа и пролетариат и способствовать формированию образа пролетариата как объекта эксплуатации.
4. Высказывание «знание — сила» следует положить в основу конгломерата науки и власти. Превратить изначальное единство информации и власти в фундаментальное оружие системы.
5. Воспользовавшись искажениями и заблуждениями, как вновь раскрывшимися свойствами религии и метафизики, нужно превратить науку в новую форму религии в виде позитивизма. Под видом борьбы с религией и метафизикой сформировать собственную религию и сделать ее господствующей.
6. Сделав либерализм (свободу) своей официальной идеологией и используя его, с одной стороны, как самое гибкое орудие консенсуса, с другой стороны, как орудие ассимиляции всех оппозиционных идеологических течений, реализовать самую сильную идеологическую гегемонию в форме «невидимой руки и невидимой мысли».
7. Придавая либерализму и позитивизму официальный статус, принизить значение всех прочих школ мышления и идеологических течений, в частности, проявлять настойчивость до полного присоединения к себе всех оппозиционных структур.
8. Принизить роль философии и морали. Тем самым уничтожить перспективы и свободу выбора поведения всех противников системы (свободный выбор = мораль).
9. Внести в науку жесткую дисциплину, раздробить ее внутреннюю целостность и смысл. Раздробленная на части наука и легче подчиняется любой власти и, превратившись в технологию, становится сферой извлечения прибыли. Отныне целью науки является не изучение смысла жизни, а извлечение прибыли. Из плоскости «наука и знание» осуществлен переход в плоскость «наука, сила и деньги». Новым священным союзом, сформировавшимся в лоне модернизма, стал союз науки, власти и капитала.
10. После того, как процесс превращения женщины в бессловесную рабыню в условиях классовой урбанистической цивилизации был завершен, к нему прибавилось социальное выхолащивание мужчины благодаря гражданству. Таким образом, в условиях капиталистического модернизма было осуществлено глобальное превращение общества в куртизанку (Гитлер считал, что общество и есть женщина-рабыня). Общество — это кобыла, которую объезжает национальное государство, падшая женщина, которой он пользуется.
11. Власть модернизма отождествляется с состоянием перманентной войны, как гражданской, так и между различными обществами (теперь уже разделение государства и общества стало бессмысленным). Высказывание Гоббса о «войне всех против всех»,

относящееся к докапиталистическому обществу, в еще большей степени соответствует капиталистическому модернизму. Геноцид стал трагическим апогеем этих войн.

12. Процессы, происходящие в системе капиталистического модернизма, а именно завершение процесса центробежного распространения, доведение состояния окружающей среды до состояния невозможности дальнейшего существования, безработица, бедность, низкая зарплата, разрастание бюрократии до глобальных масштабов, разрушение религиозного общества, гегемонизация мирового финансового капитала, являющегося наиболее подлой, оторванной от производства частью капитала, и распространение, в противовес этим процессам, сетей сопротивления в подавляющем большинстве социальных сфер порождает системный кризис.

13. Периоды системных кризисов способствуют началу таких явлений, когда революционные, контрреволюционные, демократические, освободительные и тоталитарно-фашистские перевороты сосуществуют в структуре одного общества. Силы, способные наиболее эффективно развить методологию и знания и взять их за основу, имеют больше шансов на строительство новой социальной системы.

14. Демократические, экологические, освободительные движения и движения за равенство в промежутках между системными кризисами, периодами хаоса своими небольшим и эффективными действиями в краткие сроки способны обеспечить формирование процессов, определяющих далекое будущее.

Для этого:

- 1) необходимо воспринимать социологию в комплексе ее исторических и пространственных масштабов в качестве руководства к действию;
- 2) установив, что во многих сферах капиталистического модернизма имеются злокачественные очаги, основываясь на положениях 14 пунктов, необходимо развить пути решения за рамками системы;
- 3) преодолев засилье всех грубых противопоставлений, основанных идеологически на разделении субъективизма и объективизма (например, идеализм / материализм, диалектика / метафизика, либерализм / социализм, деизм / атеизм и проч.), взять за основу трактовку, которая сама по себе базируется на всех научных достижениях;
- 4) ни в критике, ни при строительстве новых общественных форм не игнорировать метафизику человека, основанную на критериях добра, красоты, свободы и правды;
- 5) взять за основу понятие демократической политики;
- 6) во всех сферах присутствия кризиса и власти под лозунгом демократичной политики формировать тысячи организаций гражданского общества (из работоспособных, полезных, необходимых людей, численностью от трех до нескольких тысяч человек);

7) создать во вновь формируемом обществе демократическую нацию. Не исключать возможность ее жизнедеятельности в тесной связи или же отдельно от национального государства;

8) развивать формы политического управления демократической нацией на базе местной, национальной, региональной и всемирной демократического конфедерации. Различные нации могут организоваться в форме единой демократической нации. В рамках одной нации могут организоваться в форме национального государства и демократической нации. Региональные демократические конфедерации и Конфедерация демократических наций мира в сравнении с нынешней Организацией Объединенных Наций могут оказаться более эффективными в плане решения в высшей степени важных проблем мирового масштаба, а также местных проблем национального характера;

9) развить демократическое общество в противовес индустриализму, одного из краеугольных камней модернизма (модернизм опирается на: а) капиталистическое производство, б) индустриализм, в) национальную государственность). Осуществить экологизацию экономики и технологий;

10) обеспечить общественную безопасность усилиями народной милиции;

11) вместо системы мужского господства, основанной на мощном иерархическом и государственном фундаменте, построить новую семейную систему, основанную на свободе и равенстве женщины, прошедшей путь от глубочайшего рабства до независимости.

Изложенного достаточно для выражения нашего парадигматического взгляда, который можно было бы развить и углубить. Мы знаем, что эпоха капиталистического модернизма — это эпоха мощного всплеска мечты о свободе и равенстве. Народы приложили очень много усилий, для их реализации. Утописты пережили бесчисленные пытки, перенесли много боли. Давайте не будем считать это все бессмысленными усилиями. Напротив, привязав все эти проблемы, которые мы стараемся решить, к точному историческому комментарию, мы сможем осветить собственный путь и, соединив свою жизнь с нашими мечтами, сможем осуществить переход к жизни, освещенной волшебной любовью. Переход к жизни, полной мечтаний и надежд, требует серьезных усилий.

Я далек от мысли разрабатывать новые методологию и знания, но во всех вопросах, к которым я обратился, я постарался показать неверный путь развития многих явлений, носящих в основе своей парадигматический характер. Мне хотелось бы особо подчеркнуть, что в моих комментариях и предлагаемых практических усилиях не стоит усматривать стремления к коренной перестройке системы, а критические замечания не стоит воспринимать как тотальное отрицание, нигилизм. Наконец, подчеркну необходимость жесткой критики капиталистического модернизма, способствовавшего возникновению миллионов случаев, аналогичных моему, совершению трагедий (бесчисленных геноцидов, резни и войн). Минимальным условием принадлежности к интеллигенции является достойное освещение всех факторов, которые следует считать причинами безжалостных, трагических исторических процессов, через которые прошел мой народ и моя родина (курды и Ближний Восток). Вместе с тем, если я осужден как руководитель серьезной и влиятельной организации, то совершенно естественно, что моя основная задача будет

заключаться в постановке вопросов и поиске ответов в рамках всего того, что мною было обозначено. Если где-то и в какое-то время гнет, эксплуатация, ассимиляция и кризис глубоки, а жизнь превращена в бесчестье, которое гораздо хуже смерти, у нас не остается никакой другой возможности, кроме как применить основательный парадигматический подход. Отныне мы будем применять именно его.

Версия #8

Зверобой создал 15 августа 2025 18:37:20

Зверобой обновил 21 августа 2025 17:42:26